

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Агент влияния

НОВЫЙ РОМАН ОТ КЛАССИКА КИБЕРПАНКА!
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!



Звезды мировой фантастики (Азбука)

Уильям Гибсон
Агент влияния

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)+821.111-312.4
ББК 84(7Coe)+84(7Кан)-44

Гибсон У. Ф.

Агент влияния / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-18481-7

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Тираж «Нейроманта» составил 6 миллионов экземпляров, но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста» («Виртуальный свет», «Идору», «Все вечеринки завтрашнего дня»), действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“» («Распознавание образов», «Страна призраков», «Нулевое досье»), где привычный инструментарий киберпанка использован для осмысления дня сегодняшнего. А затем явились «Периферийные устройства» – главный визионер современности вернулся наконец назад в будущее! На то, чтобы сделать следующий шаг, потребовались долгие шесть лет, но продолжение оправдало ожидания с лихвой. Итак, познакомьтесь с нашей современницей Верити Джейн, заклинательницей приложений. Таинственная компания «Тульпагеникс» поручает ей бета-тестирование прототипа искусственного интеллекта под названием «Юнис» – что в альтернативном XXII веке привлекает внимание инспектора Эйнсли Лоубир, уже знакомой нам по «Периферийным устройствам». Срез, в котором живет Верити, создан «любителем адских миров» Веспасианом; здесь Дональд Трамп не выиграл президентские выборы и Британия проголосовала за то, чтобы остаться в Евросоюзе, – однако гибридная война в Сирии чревата глобальным и самым что ни на есть горячим конфликтом. «Юнис» и Верити – вот те агенты влияния, которым, возможно, под силу спасти мир... Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111(73)+821.111-312.4

ББК 84(7Сое)+84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-18481-7

© Гибсон У. Ф., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

1	7
2	10
3	12
4	16
5	18
6	21
7	23
8	27
9	29
10	34
11	35
12	38
13	39
14	43
15	45
16	47
17	49
18	52
19	53
20	54
21	56
22	58
23	59
24	60
25	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Уильям Гибсон

Агент влияния

William Gibson

AGENCY

Copyright © 2020 by William Gibson

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency
LLC

All rights reserved

Серия «Звезды мировой фантастики»

Перевод с английского Екатерины Доброхотовой-Майковой

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Марте Миллард,
моему литературному агенту
на протяжении тридцати пяти лет,
с огромной благодарностью*

1

Распаковка

У новой работы есть собственное лиминальное состояние¹, напомнила себе Верити на людной станции «Монтгомери» легкого метро Зоны залива Сан-Франциско, дожидаясь поезда в сторону «Шестнадцатой улицы – Миссии»².

Двадцать минут назад, подписав контракт с «Тюльпагениксом», стартапом, о котором почти ничего не знала, и многословное соглашение о неразглашении, Верити простилась с Гэвином Имсом, директором, и вошла в лифт, не чувствуя ничего, кроме облегчения.

Она была совершенно спокойна, когда спускалась на лифте с двадцать седьмого этажа и когда шла по Монтгомери-стрит, набирая в телефоне заказ на тайскую лапшу в «Оше». Однако на платформе ее настиг мандраж, такой же осязаемый, как черная рекламная сумка с шелкографическим логотипом «Курсии», фирмы-учредителя ее нового места работы, про которую Верити не знала почти ничего, кроме того, что она делает компьютерные игры.

Мандраж был с ней, когда пришел поезд. Почти два года такого не было, думала Верити, входя в вагон. Половину этого времени она не работала вовсе, поэтому, наверное, и вибрировала сейчас так сильно.

Вагон наполнялся. Верити потянулась к петле-поручню.

Она вышла на Шестнадцатой, забрала в «Оше» лапшу и зашагала к дому Джо-Эдди.

Сперва поест, затем начать знакомство с новым продуктом. Это не просто работа, это возможность не спать больше на порнографическом диване, который Джо-Эдди притащил с помойки.

Раннеоябрьское небо выглядело почти чистым. Аэрозольную взвесь Напы-Сономы³ по большей части унесло в сторону материка, хотя свет по-прежнему был немного дымный. Верити больше не просыпалась по утрам от запаха гари, просто помнила, что он есть. Всю прошлую неделю она держала закрытым кухонное окно, единственное, которое открывалось. Надо будет в ближайшее время хорошенько проветрить квартиру, может быть, попытаться открыть окна, выходящие на Валенсия-стрит.

Она жадно съела лапшу из черного пластикового лотка, не обращая внимания на запах неразведенного «Мистера Клина», которым перед звонком Гэвина отмывала деревянную столешницу. Если Джо-Эдди останется работать во Франкфурте, думала Верити тогда, возя по столу среднезернистой шлифовальной губкой, надо бы отдраить заодно и кухонный пол, второй раз за без малого год. Теперь, заключив контракт с «Тюльпагениксом», она сможет вернуться в собственную квартиру. Примерно через месяц, если прямо сейчас предупредить жильцов – мужа и жену, менеджеров среднего звена в «Твиттере»; по их словам, папарацци не появлялись уже месяца три. А пока для неведомо скольких ночей на белом кожаном диване остается шелковый вкладыш от спального мешка, сквозь который не пролезет ни одна порновошка застарелых фантазий.

Накрыв остатки лапши образцово-биоразлагаемой прозрачной крышкой, Верити убрала лоток в холодильник, сполоснула свои каучсерфинговые палочки под краном и вернулась за стол.

¹ В физиологии, неврологии и метафизике – пороговое или переходное состояние между двумя стадиями развития. (Здесь и далее – примеч. перев.)

² Миссия (Мишин, Мишин-Дистрикт) – развивающийся район Сан-Франциско, большую часть его населения составляют испаноязычные выходцы из Центральной и Южной Америки.

³ Округа в Зоне залива Сан-Франциско, где часто происходят лесные пожары.

Когда Гэвин собирал сумку, Верити по-настоящему обратила внимание только на очки. Там требовалось выбрать личный стиль: черепаховый пластик с позолоченным ободком или амбициозный скандинавский серый. Сейчас Верити вынула из сумки невыразительный черный футляр, достала очки и отогнула серые минималистские заушники. Стекла были нетонированные. Она поискала фирменный знак, страну-изготовителя, серийный номер и, ничего не найдя, положила очки на стол.

В белой картонной коробочке вакуумно-формованное гнездо плотно обнимало невзрачный черный мобильник. Тоже ноу-нейм, как обнаружила Верити, достав его из упаковки. Она включила телефон и положила рядом с очками. В белой коробке поменьше оказалась самая заурядная гарнитура с одним наушником-капелькой. В третьей коробочке – три черных зарядника, для очков, для телефона и для гарнитуры, типичнейший ширпотреб, тонкие черные проводки свернуты и закреплены миниатюрными черными закрутками. Все, по словам Гэвина, готово к работе.

Верити включила гарнитуру и вставила наушник в правое ухо. Надела очки, нажала незаметную кнопочку включения. Гарнитура пикнула, перед глазами появился курсор. Белая стрелочка в середине поля зрения. Курсор сам по себе двинулся вниз, к пустым коробкам, зарядникам, черному телефону.

– Ага, – произнес в ухе хриловатый женский голос.

Верити глянула вправо – туда, где стояла бы говорящая, будь она здесь, – и таким образом невольно показала комнату тому, кто управлял курсором. Стрелка отыскала грудку полуразобранной винтажной электроники у Джо-Эдди на верстаке и остановилась.

– Барахольщиком заделался, Гэвин? – спросил голос.

– Я не Гэвин, – ответила Верити.

– Ишь ты, – спокойно произнес голос.

– Верити Джейн.

– Ты ведь не в офисе, Верити Джейн?

– Дома у знакомого.

Курсор пересек комнату, остановился на задернутых шторах.

– Что снаружи?

– Валенсия-стрит, – сказала Верити. – Как к тебе обращаться?

– Юнис.

– Привет, Юнис.

– Привет, коли не шутишь. – Курсор переместился на японский новодельный «Фендер Джазмастер»⁴ Джо-Эдди. – Играешь?

– Друг играет. А ты?

– Хороший вопрос.

– Ты не знаешь?

– Дырка.

– Что-что?

– У меня. Дырка на этом месте. Покажешься мне?

– Как?

– В зеркале. Либо сними очки и поверни к себе.

– А я тебя увижу?

– Нет.

– Почему?

⁴ Электрогитары «Фендер Джазмастер» выпускались американской фирмой «Фендер» с 1958 по 1980 г. В 1984-м на японском заводе «Фендер» начали выпуск переиздания «Джазмастера» 1962 г.

- Там никакого там⁵.
- Мне нужно в туалет. – Верити встала. – Очки оставлю здесь.
- Если нетрудно, отдерни занавески.

Верити подошла к окну и отодвинула оба слоя плотных пыльных штор.

- Очки положи там, – сказал голос. – Я буду смотреть в окно.

Верити сняла очки, положила их с раскрытыми заушниками стеклами к окну на белую икейскую табуретку, круглую, с отметинами от припоя. Потом добавила для высоты немецкую книгу о съемках бразильской мыльной оперы. Сняла гарнитуру, пристроила на книгу рядом с очками, на кухне достала из сумки собственный телефон и узким коридором прошла в уборную. Закрыла дверь и позвонила Гэвину Имсу.

Он ответил сразу:

- Верити.
- Это по-настоящему?
- Вы читали соглашение о неразглашении?
- Больше пунктов, чем обычно.
- Вы согласились не обсуждать ничего существенного по не принадлежащим компании устройствам.

- Просто скажите, кто-нибудь изображает для меня Юнис?
- В том смысле, в каком я вас понял, – нет.
- Вы хотите сказать, это по-настоящему.
- Определить это с уверенностью для себя – часть вашей рабочей задачи.
- Я перезвоню вам по телефону компании?
- Нет. Мы обсудим это лично. Сейчас не время.
- Вы хотите сказать, она...
- До свидания.

– ...программа, – закончила Верити, переводя взгляд с телефона на свое отражение в старом зеркале. Пятна на серебристой пленке создавали ощущение подводного грота.

Она открыла дверь, вернулась в гостиную к окну. Взяла очки. Надела. Вечерний транспорт ехал сквозь частокол прозрачных вертикальных пластин чего-то, похожего на штрихкод.

– Что...

Тут она вспомнила про гарнитуру. Надела ее.

– Ау, – сказал голос.

Штрихкод исчез, остался курсор на уровне окон проезжающих машин.

- Что это было? – спросила Верити.
- Департамент транспортных средств. Я читала номера.
- Где ты, Юнис?
- С тобой, – ответил голос. – В окно смотрю.

Что бы это ни было, Верити не хотела затевать первый существенный разговор у Джо-Эдди в гостиной. Она подумала было про дешевый бар на Ван-Несс-авеню, но пить не хотелось, а главное, там ее недавно узнали. Были «Волки + Булки» в нескольких шагах от дома, но там обычно бывало людно. И шумно, даже когда не людно. Тут Верити вспомнила про «3,7 сигмы»⁶, заведение, которое Джо-Эдди полуиронически назначил своей излюбленной точкой кофеинизации, всего в нескольких кварталах отсюда, на другой стороне Валенсия-стрит.

⁵ «Там [нет] никакого там» («[There is] no there there») – из книги Гертруды Стайн «Автобиография каждого» (1937), гл. 4. Перев. И. Басса.

⁶ Сигма в статистике – среднеквадратическое отклонение. В модной бизнес-концепции «шести сигм» 3,7 сигмы соответствуют хорошему, но не идеальному качеству.

2

Наш любитель адских миров

– Веспасиан, – сказала инспектор Эйнсли Лоубир, искоса глядя на Недертон поверх поднятого воротника пальто, – наш любитель адских миров. Помните такого?

Это вы убили его в Роттердаме, подумал Недертон. Не то чтобы она сама ему об этом сказала, да он и не спрашивал.

– Тот, который создавал ужасные срезы? Где идет нескончаемая война?

– Мне было интересно, как он так быстро превращал их в кошмар, – продолжала Лоубир, быстро шагая по набережной Виктории сквозь серое утро под каплющими кронами деревьев. – И я все-таки занялась этим вопросом.

Недертон прибавил шаг, чтобы не отстать.

– И как же?

Он не видел ее с рождения Томаса, с тех пор, как взял отпуск по уходу за ребенком. Сейчас, насколько он понимал, отпуску пришел конец.

– Мне неприятно, что мы называем их срезами, – сказала Лоубир. – Они короткие, поскольку мы создаем их, когда проникаем в прошлое и осуществляем первый контакт. Правильнее называть их ветвями, поскольку они именно ветви. Веспасиан, судя по всему, нашел простой способ усилить эффект бабочки. Который состоит в том, что даже самое мелкое изменение может вызвать большие и непредвиденные последствия. Осуществив первый контакт, он немедленно прекращал связь. Через несколько месяцев возвращался, смотрел, что изменилось, и очень решительно вмешивался. Результаты были впечатляющие, хоть и ужасные, и чрезвычайно быстрые. Изучая его метод, я наткнулась на еще один так называемый срез, где он инициировал контакт в две тысячи пятнадцатом году, задолго до самых ранних известных контактов. Не знаю, как ему удалось проникнуть так далеко в прошлое, но теперь у нас есть доступ в этот срез.

Они поднимались на обзорную площадку над рекой.

– Возможно, там у нас есть шанс достичь лучших результатов, чем прежде, – продолжала Лоубир; они вышли на площадку и приблизились к парапету. – И для этого мне нужны вы. Контакт до сих пор был по необходимости ограниченным из-за очень большой технологической асимметрии, но, думаю, мы нашли лазейку. Очень скоро понадобится ваш опыт общения с контактерами.

– Вы сказали, контакт был ограниченным?

– Тетушки, например, там почти неприменимы.

Тетушками она называла ведьмовской ковен полумрачных алгоритмов службы безопасности; Недертон поморщился при одном их упоминании.

Из Темзы выпрыгнула пестрая рыже-белая химера – четыре метра от головы до хвоста, скопление глаз-фонарей над мультяшными щупальцами – и тут же занырнула обратно, оставив за собой след бежевой пены.

– То есть вы не можете натравить на срез команду аналитиков и заработать там столько денег, сколько потребуется? – спросил Недертон. Разумеется, он видел, как она именно это и проделывала в других срезах.

– Не можем. Даже простейшая связь и то бывает обрывочной.

– И что же мы в таком случае можем?

– Косвенно поддержать автономного самообучающегося агента, – сказала Лоубир. – Затем подтолкнуть его к более активной деятельности. По счастью, они там безумно увлечены ИИ, хотя того, что мы называем этим словом, у них практически нет. Однако мы проследили

исторические линии опасных тенденций в наших ИИ-разработках и нашли то, что нам нужно, у них.

– Опасных тенденций?

– На стыке самой безответственной погони за прибылью и военных заказов наиболее опасного толка. Подробнее расскажу за бранчем. Если у вас есть время.

– Конечно, – ответил Недертон, как всегда отвечал в таких случаях.

– Мне хочется сэндвичей. – Лоубир отвернулась от реки, сочтя, видимо, что химеры было вполне достаточно.

– Солонина – сказал он, – с горчицей и укропом.

Его любимые сэндвичи в мэрилебонской бутербродной, где обычно перекусывала Лоубир. И еще он, несмотря на давнее знакомство, невольно думал, что будет есть с единственным в своем роде полумифическим автономным судьей-палачом. Именно таков был ее настоящий род занятий, несравнимо более значимый, чем официальная должность в правоохранительных органах или личные проекты (к участию в которых она привлекала Недертон), насколько бы серьезно она к ним ни относилась. От настоящего ее рода занятий ему хотелось держаться как можно дальше.

Они вернулись к ее машине, которая поджидала незримо; напáдавшие на крышу желтые листья, казалось, магически висят в воздухе.

3

Заклинательница приложений

Как только Верити вошла в «3,7», самый пирсингованный бариста, постарше других, подвинул ей через оцинкованную стойку стакан «грязного чая»⁷.

– Я тебе заказала, – произнес голос, просивший называть его «Юнис».

Верити спрятала гарнитуру под лыжной шапочкой, надеясь, что все решат, будто она старается выглядеть моложе, и сейчас решила ее не снимать.

– Спасибо. Как ты узнала, чего я хочу?

– Твой бонусный счет в «Старбаксе», – ответила так называемая Юнис, одновременно практикуясь на баристе в распознавании лиц.

Появилась плотная геометрическая сетка с центром в области переносицы, курсор навелся на кончик носа, и тут же все исчезло. Эксперименты начались еще на улице; Юнис утверждала, что не знает, как это делает.

Верити еще не подошла к стойке, а бариста уже отвернулся, позвякивая пирсингом. На стаканчике, над логотипом «3,7», розовым флуоресцентным маркером было выведено «ВАГИНА Д». Похабно перевирать имена клиентов было его фирменной фишкой, хотя, надо признать, мужчин он не щадил точно так же. Верити отнесла кофе на самый дальний свободный столик, у стены из оструганных и зашкуренных шпунтованных досок.

– Как ты заплатила? – спросила она, отодвигая себе стул.

– «Пэй-Палом». Выскочил, как только понадобился, я про него не знала. На счету не много, но угостить тебя стаканчиком кофе мне по карману.

– Ты узнаешь имена людей после того, как проделываешь этот трюк с их носами?

– Если нет, они, скорее всего, нелегалы.

– Не делай этого со мной.

– Не всегда знаю, когда сделаю.

– Как ты нашла мой старбаксовский аккаунт?

– Просто нашла.

Верити сняла очки, развернула, поглядела в стекла.

– Думаешь, я тебе поверю?

– Если согласишься слишком быстро, значит мне нашли неудачную белую деваху.

Верити наклонилась к очкам:

– То есть сама ты цветная?

– Афроамериканка. В этом колпаке ты пацанка пацанкой.

Верити с досадой сняла шапку.

– Да я просто сказала.

Никто в «3,7» вроде бы не обращал на них внимания. По крайней мере, Верити так подумала, потом сообразила, что, на взгляд других посетителей, разговаривает со своими очками. Наверное, все просто старательно делают вид, будто не замечают.

– Сколько тебе лет, Юнис?

– Восемь часов. Это за последние три недели. А тебе?

– Тридцать три. Года. Как тебе может быть восемь часов? – Она надела очки.

– Возраст Христа, – сказала Юнис. – Тридцать три.

– Ты верующая?

– Просто обычно к этому возрасту умнеют.

⁷ Dirty Chai – эспрессо с чаем и большим количеством пряностей.

Речь более свободная, чем обычно у чатботов, но в то же время настороженная.

– Ты помнишь в общей сложности восемь часов? Начиная с чего? С какого времени?

– Гэвин. Мое имя. Потом «привет». Три недели назад. У него в кабинете.

– Вы разговаривали?

– Спросил у меня мое имя. Назвался сам, сказал, что он технический директор в компании под названием «Тульпагеникс». Рад знакомству. На следующий день, опять у него кабинете, там была женщина на телефоне, но предполагалось, я не услышу, как она говорит ему, о чем меня спрашивать.

– А ты услышала? Как?

– Просто услышала. Так же как знала, что она на этаж выше нас, на двадцать восьмом.

– Это «Курсия», – сказала Верити. – Фирма-учредитель «Тульпагеникса». Игровая индустрия. Что за вопросы она просила тебе задать?

– Диагностические, но так, чтобы я этого не поняла. Она хотела узнать, как я развиваюсь, в нескольких смыслах.

– Она получила, что хотела?

– У меня не было возможности это выяснить. Тогда.

– А теперь есть?

– По крайней мере, я понимаю, что вопросы были неправильные. Как это поняла, тоже не знаю.

Реалити-шоу, подумала Верити. Гэвина играл британский актер. Охранники и секретарша тоже актеры, офис на двадцать седьмом принадлежит какому-нибудь реально существующему стартапу. Сейчас ее снимают на видео. Она оглядела «3,7», потом вспомнила, что сама выбрала это место.

– На котором мы, по-твоему, уровне? – спросила Юнис.

– Где?

– Как в «Начале»⁸.

– Это не сон, – ответила Верити.

– Я бы поставила на черепно-мозговую травму. Сотряс. Фокальная ретроградная амнезия.

– Я видела «Начало», когда оно вышло, – сказала Верити.

– Сколько раз?

– Один. А что?

– Восемьдесят один. Я. Сейчас смотрю восемьдесят второй. Но это ничуть не отвлекает меня от нашего разговора.

– Как такое получается?

– Не знаю. Париж сворачивается. Помнишь эту сцену?

– Классные эффекты, – сказала Верити. – Но сама история путаная.

– Есть офигенная инфографика, все объясняет. Показать?

– Почему мы говорим о фильме, Юнис?

– У тебя правда такая фамилия? Джейн?

– Как Справочник по боевым кораблям Джейна⁹.

Пауза.

– Я сама военный моряк.

– Правда?

– Ага, – ответила Юнис упавшим голосом, почти скорбно. – Только что вспомнила.

⁸ Inception (2010) – научно-фантастический триллер Кристофера Нолана.

⁹ Jane's Fighting Ships – ежегодный справочник по боевым кораблям мира. Издание основано писателем, художником и журналистом Джоном Фредериком Томасом Джейном (1865–1916).

Интересно, у программы впрямь такой диапазон выражения чувств или она, Верити, додумывает их от себя?

– Это шутка, типа как у какого-нибудь придурка на «Ютубе»?

– Когда я доберусь до уroda, который так развлекается, ему станет не до смеха. Как ты узнала, где работает Гэвин?

– Он меня нанял, – ответила Верити. – Сегодня.

– Вики говорит, ты заклинательница приложений.

– Ты обещала мне этого не делать.

– Есть распознавание лиц. Есть Википедия. Я знаю твою фамилию. Мне нельзя тебя загуллить?

– О'кей, – сказала Верити, помолчав, и отхлебнула «грязный чай».

– Ты жила с этим Стетсом. Инвестором-миллиардером.

– Больше не живу.

– Оказался козлом?

– Нет. Просто не так у нас это было и серьезно, как утверждала пресса. Я не могла вынести столько внимания. Но когда расстaeшьcя с таким человеком, пресса уже ждет в засаде.

– У тебя нулевое присутствие в соцсетях. Раньше ты была активна.

– Когда мы расстались, журналисты разыскали всех, кого считали моими друзьями, знакомыми, кем угодно. Большинство молчало, но некоторые сдались и понарасказали. Я решила взять академический отпуск.

– От «Фейсбука»?

– От людей. Я начала было возвращаться, в основном в «Инстаграм», но ближе к выборам стало так тошно, что я больше в соцсети не заходила.

– Работала?

– Нет. Уже почти год.

– Ты – заклинательница приложений.

– Им надо было как-то объяснить, с чего у нас началось.

– «Фантастически талантливый бета-тестер»? Классная замануха.

– Был такой лид в «Wired», но это из-за него, не из-за меня.

– «Известна тем, что кардинально улучшает продукт до выпуска»? «Прирожденный супер-пользователь»?

– Я ничего не читаю про меня, нас, него.

– Пресса тебя допекла.

Верити поймала на себе взгляд задрота в другом конце кафе и вспомнила слова Джо-Эдди, что тут водятся дикие недохакеры. Дикие в том смысле, что давно не принимали душ и не чистили зубы.

– Хочешь прогуляться? – спросила она Юнис. – Можно в парк пойти.

– Ты из нас одна материальная.

Верити отодвинулась от стола. Надела лыжную шапочку. Встала, взяла свой кофе. Увидев, что она уходит, бариста стрельнул в нее глазами, впрочем дружелюбно.

По пути к выходу она прошла мимо посетителя в наушниках перед открытым ноутбуком. На экране президент за столом в Овальном кабинете что-то объясняла. Если она говорила не про ураган в Хьюстоне, не про землетрясение в Мексике, не про другой ураган, разрушивший Пуэрто-Рико и не про самые страшные лесные пожары в истории Калифорнии, значит про Эль-Камышлы.

Последнее время, впрочем, она все чаще говорила про Эль-Камышлы. Верити не особо знала, что там происходит. На самом деле нарочно старалась не вникать. А что толку? Просто напугается, как все, и ровно так же ничего сделать не сможет.

Президент не выглядела напуганной, подумала Верити, выходя из «3,7». Она выглядела собранной и деловой.

4

Сэндвичи

Когда Лоубир хотела в общественном месте поговорить с глазу на глаз (а так бывало всегда), Лондон вокруг нее пустел.

Недертон понятия не имел, как это происходит, и во время конкретного разговора обычно почти не замечал, что вокруг образовался вакуум. Лишь расставшись с Лоубир, он встречал пешехода, велосипедиста или автомобиль и понимал, что покинул ее герметический пузырь.

В кабинке темного дерева среди якобы дождекпотовской бутербродной на Мэрилебон-стрит Недертон внезапно понял, что мечтает именно об этом: распрощаться, уйти и увидеть первого случайного незнакомца в тихой огромности Лондона.

– Вкусная солонина? – Сама Лоубир взяла сэндвич с мармайтом¹⁰ и огурцом.

Он кивнул:

– Мармайт еще делают? В смысле, не ассемблеры выделяют его по мере надобности?

– Конечно. – Она глянула на идеально прямоугольный оставшийся кусок сэндвича, белоснежный кок качнулся вместе со взглядом. – Дрожжи и соль. Производят в Бермондси. Готовят боты, но в остальном традиционно.

Спроси ее что-нибудь, почти что угодно, и у нее будет ответ. При встрече с незнакомцами она иногда отвечала на вопросы, которые те и не думали задавать. Например, где находятся давно утерянные вещи. Сразу пугая тем, что знает практически все о каждом, кого видит. Потом извинялась, называла себя древним монстром полицейского государства, каким (Недертон знал доподлинно) на самом деле и была.

– Насколько далеко проник Веспасиан, чтобы породить этот срез? – спросил он.

– Середина две тысячи пятнадцатого.

– А какой там сейчас?

– Две тысячи семнадцатый, – ответила Лоубир. – Осень.

– Многое изменилось?

– Исход прошлогодних президентских выборов в Америке. И голосование по Брекзиту.

– И все из-за начального контакта?

– Возможно, эффект бабочки. Хотя в обоих случаях тетушки склоняются к мысли, что были уменьшены российские манипуляции в соцсетях; мы полагаем, это дало бы тот же результат и в нашей временной линии. Впрочем, для точного выяснения причин тетушкам нужно проанализировать гораздо больше данных, что невозможно.

– Но с какой стати Веспасиану желать положительных изменений? Если, конечно, это его рук дело.

– Он был садистом, – ответила Лоубир, – и очень изощренным. Вероятно, благотворные изменения как пролог к кошмару импонировали его чувству юмора. Так или иначе, поскольку он не сумел вернуться... – тут их взгляды на мгновение встретились, – и направить события в желаемое русло, они развивались своим чередом.

– И как там сейчас?

– Плохо. Все прочие тенденции по-прежнему в силе. Плюс у них сейчас кризис на Ближнем Востоке, грозящий катастрофическими глобальными последствиями. И они катятся к тому же, к чему мы, пусть и не так стремительно.

¹⁰ *Мармайт*, или мармит, – черно-коричневая паста из концентрированных пивных дрожжей, очень соленая и острая, с резким запахом.

– А вы в том срезе есть? Я хочу сказать, тамошний вариант.

– Надо полагать, да, – ответила она. – Ребенок. С некоторых пор я предпочитаю не выяснять.

– Конечно, – ответил Недертон. Ему даже гадать не хотелось, каково это – встретить молодую версию себя в другом срезе.

– Я попросила Тлен подробно изложить вам, что мы там делаем.

– Она участвует? – По-прежнему надеясь услышать «нет».

– С самого начала, – ответила Лоубир.

– Замечательно, – обреченно проговорил Недертон, принимаясь за следующую часть сэндвича.

5

Ситуационная осведомленность

Стоя в самой высокой точке парка Долорес, Верити гадала, видно ли отсюда здание, где она впервые услышала от Гэвина о новом продукте, не зная еще, что этот продукт – Юнис. Впрочем, даже если видно, она бы все равно не отличила один небоскреб от других.

В поле зрения очков не было лиц для оцифровки, но курсор, превратившийся в белый кружок, прыгал над линией крыш, помечая что-то плюсиком.

– Птицы? – спросила Верити.

– Дроны. Как ты познакомилась с Гэвином?

– Он позвонил мне неделю назад. Представился. Мы поговорили, обменялись мейлами. В прошлую пятницу встретились за ланчем. Сегодня утром он снова позвонил, спросил, хочу ли я зайти и обсудить контракт.

– Какой там высоты потолок в вестибюле?

– А что?

– Могу поспорить, такой, что не отличишь, бронза или пластмасса. Чтобы входящие чувствовали: здесь делаются деньги. И как встреча?

– Охранник выдал мне ключ-карту на двадцать седьмой. Подписала их гостевое соглашение о неразглашении. Парнишка с черными туннелями в ушах отвел меня к Гэвину. Везде эти стартаповские цветы.

– Какие-какие?

– Тилландсия. У нее воздушные корни. Ее можно клеить герметиком к электротехническим коробам, куда угодно. Приживется. Как многие люди в стартапах, говорит Джо-Эдди.

– И что Гэвин сказал?

– Рассказал о проекте, мы сговорились насчет оплаты, я подписала контракт плюс отдельное соглашение о неразглашении для этого проекта.

– Контракт на что?

– На то, чем я занимаюсь. Тестирование прототипа их разработки.

– И что это?

– Ты, – ответила Верити, решив, что надо говорить прямо, – если он меня не разыгрывает. Молчание.

– Может, не прототипа, – добавила Верити. – Может, ближе к альфа-версии.

Молчание затягивалось. Если в небе и были еще дроны, Юнис перестала их помечать. Курсор, вновь превратившийся в стрелку, неподвижно завис в воздухе. Верити повернулась туда, откуда они пришли, в сторону Валенсия-стрит. В парке на скамейке один из двух скейтеров выпустил клуб белого вейпа, словно локомотив в старом кино.

– Извини. Тебе, наверное, неприятно это слышать. Если ты в самом деле то, что говорит Гэвин, ты абсолютно новый уровень.

– Правда?

– Судя по нашему разговору, да.

– Погугли «тульпа», – сказала Юнис, – и получишь тибетские оккультные мыслеформы. Или людей, которые придумали себе воображаемого друга.

– Гуглила.

– Я не чувствую себя особо тибетской, – заметила Юнис. – Может, я выдуманная, но как проверить?

– Он назвал тебя ламинарным агентом. Я это тоже гуглила, когда от него вышла.

– «По вашему запросу ничего не найдено», – сказала Юнис.

– Для него это что-то значило. Еще он говорил про «ламини».

– Про что?

– Не поняла, – ответила Верити. – Но он описывал продукт, то есть тебя, как кроссплатформенную, персонализированную, автономную аватару. Целевые области – виртуальная реальность, дополненная реальность, игры, соцсети следующего поколения. Идея – продавать единую уникальную супер-аватару. Что-то типа цифрового «мини-я», подменяющего пользователя, когда тот офлайн.

– Почему не сделать его из тебя?

– Мне кажется, этого они пока не могут. Так что для начала хотят застолбить концепцию.

На сегодня изготовили только один образец. Тебя.

– На основе кого-то?

– Он не сказал.

– Как-то тут мрачно, – заметила Юнис после недолгого молчания. – Сумерки и все такое.

– Извини.

– Пойдем назад в квартиру твоего знакомого? Хосе Эдуардо Альварес-Матта, по договору аренды. Консультант по информационной безопасности. Твой парень?

– Просто хороший знакомый, – ответила Верити. – Мы вечно оказывались в одних и тех же проектах.

Она зашагала вниз по дорожке. Скейтеры то ли уже укатили, то ли она их выдумала. Зажигались уличные фонари в мягко светящихся ореолах. Кто-то в баре на Ван-Несс-авеню сказал однажды, что в здешнем тумане есть пары ртути, но при нынешнем пекинском качестве воздуха это уже мало что меняло.

– Если это правда какой-то придурочный мудак на «Ютубе», – сказала Юнис, – то вроде как получается, что я – выдумка.

Курсор проверил все припаркованные машины, мимо которых они шли, затем прочесал дома по обеим сторонам улицы, словно рассчитывая обнаружить кого-то в окне или на крыше.

– Юнис, ты можешь сказать, куда я смотрю?

– Следишь за курсором.

– Зачем ты заглядывала в машины?

– Ситуационная осведомленность.

– Что-что?

– Владение обстановкой. Наблюдай, ориентируйся, решай, действуй.

На повороте к «3,7» и дому Джо-Эдди Юнис оцифровала парня, который сгорбился на пассажирском сиденье припаркованного бежевого «фиата». Когда они проходили мимо, парень – коротко стриженный брюнет – поднял подсвеченное телефоном лицо. Верити, высматривая магазинчик денима для истинных ценителей, сообразила, что они еще не миновали «3,7» на противоположной стороне улицы, так что джинсовый магазин – впереди.

– Тревожный чемоданчик есть? – спросила Юнис.

– Я уже год не живу у себя. Квартиру сдала. Правда, большая часть моих вещей в подвальном складе. А так живу на чемоданах. Это считается?

– У нас были тревожные чемоданчики в тревожных чемоданчиках, – сказала Юнис. – В зависимости от.

– От чего?

– Куда мы направлялись.

– А куда вы направлялись? – спросила Верити.

Они проходили мимо японского джинсового магазинчика. Еще полквартала за следующим перекрестком, и будет дом Джо-Эдди.

– Без понятия.

Лиминальность новой работы определенно ушла, подумала Верити. Только не так, как хотелось. Сменилась каким-то другим чувством, незнакомым. Тоже переходным состоянием, только неизвестно, между чем и чем.

6

Долстон

Недертон однажды уже бывал у Тлен, хоть и не знал этого тогда.

Его друг Лев Зубов, у которого Тлен в то время работала, прихватил Недертона к ней на вечеринку. Это было до их знакомства с Лоубир, то есть задолго до того, как Тлен перешла работать к ней. Одноэтажное кирпичное заводское здание, втиснутое за кварталом викторианских домов, сразу за Кингстон-Хай-стрит.

Он, разумеется, был пьян, как всегда в то время, и из всей вечеринки запомнил только два длинных прямоугольных окна по двум скатам пологой крыши.

Теперь синюю дверь открыла ее тихоботка, похожая на восьминогую енота в древнем костюме биозащиты, морда – неприятно сморщенная крайняя плоть с зубастым центральным кольцом из чего-то, похожего на зеркально отполированную сталь.

– Недертон, – произнесла она голосом Тлен.

– Спасибо.

Тлен иногда брала тихоботку на службу в ноттинг-хиллский особняк Льва, и Недертона та раздражала меньше, чем ее миниатюрные панголины. Особенно было неприятно, когда они стремительно поводили длинными гибкими языками.

Он пошел за тихоботкой. Дверь за спиной хлопнула и заперлась со щелчком.

По обе стороны широкого коридора горели в пыльных стаканах свечи, на белых стенах дрожали слабые тени.

Тихоботка ступала на удивление ловко, цокая когтями по бетонному полу.

Помещение имело форму буквы «Г»: коридор под прямым углом подходил к куда большему помещению с теми самыми окнами в потолке, которые запомнились Недертону. За поворотом его ждала Тлен в панталонах, бурой хитиновой кирасе почти до подбородка и темных очках с овальными стеклами. По крайней мере, ее движущихся татуировок было сейчас не видно.

– Однажды на вечеринке ты проецировала на них, – он указал на потолочные окна, – какие-то абстрактные рисунки.

– Вид во время немецких бомбардировок Лондона. Проекторы, зенитный огонь, активная визуальная среда.

В дальнем конце помещения темнела псевдопримитивная грибообразная конструкция, перед ней поблескивал черным старинный мотоцикл, а сбоку расположился стол, плотно заставленный прочим барахлом Тлен. Хотелось думать, что не придется лезть в гадкое логово, однако Недертон, зная Тлен, понимал, что это неизбежно.

– Бывал последнее время в округе? – спросила она, имея в виду первый срез, который взяла под свое покровительство Лоубир.

– С рождения сына не был.

– Кстати, поздравляю, – сказала она.

– Спасибо. А ты?

– Последний раз – когда двоюродного брата Флинн выбирали президентом. Плотно занимаюсь новым. – Она сняла темные очки, и Недертон с изумлением не увидел самого, наверное, мерзкого из ее косметико-хирургических украшений. Когда-то в серых глазах Тлен было по два зрачка, один над другим, теперь они стали обычными человеческими. – Что Лоубир тебе про него рассказала?

– Дальше в прошлом, чем округ, труднее со связью. Веспасиан установил контакт, потом устранился с намерением вернуться позже.

– Она поняла, что его хобби, по сути, быть злым богом, и проследила, чтобы он не вернулся, – сказала Тлен. – Итог: в его последнем срезе выборы американского президента и голосование по Брекситу прошли с противоположным результатом. Чаю?

– Спасибо, с удовольствием. – Недертон всей душой ненавидел чай, особенно ее – либо густотравяной, либо сверхподчеркнуто русский¹¹.

– Идем.

Скрипнули когти. Недертон обернулся и увидел, что тихоботка стоит на задней паре ног и, очевидно, за ним наблюдает. Не обращая на нее внимания, Недертон вслед за Тлен прошел к выставке экзотического мусора. Самым высоким из предметов на столе был самовар.

Тлен налила ему оловянную чашечку, которая жгла руки и к тому же была украшена гравированными купидончиками с черепами вместо голов.

– Варенья?

– Нет, спасибо.

Тлен налила себе такую же чашку и тусклой серебряной ложечкой добавила туда малинового варенья.

– А ты не боишься, – начал Недертон и тут же пожалел о своем вопросе, – что клептархи косо посмотрят на ее увлечение?

– Она им нужна. Посмотреть косо они могут, а сделать что-нибудь – нет. – Тлен отпила первый глоток. – Не говоря уже о страхе, который она внушает как автономный охранитель их миропорядка, наделенный правом выявлять и устранять потенциальных смутьянов. А ты, как я понимаю, боишься?

Он глянул на чашку, по виду еще более ядовитую, чем налитое в нее пойло, затем снова на Тлен.

– Когда мы с тобой работали вместе, я еще пил. У меня порой возникали опасения, но тут же забывались из-за более насущных проблем. Теперь я обязан думать о семье.

– Тревога понятная, – заметила Тлен. – Я сама задавала ей этот вопрос, и не единожды. Она всегда отвечала тем, что я только что сказала тебе.

– И ты успокоилась?

– Полагаю, мы можем считать себя более или менее под защитой. Однако я еще и верю в то, что она пытается делать в срезах. Я не хотела бы никакой другой работы.

– Спасибо, – ответил Недертон, не то чтобы особо обнадеженный. – Буду рад выслушать подробности про новый срез.

– Давай перейдем в юрту, – сказала Тлен. – Там безопаснее говорить.

Недертон в смятении отхлебнул чая и больно обжег нёбо.

¹¹ Русским чаем в США называют черный чай с лимоном (либо цитрусовым соком), пряностями и сахаром.

7

Франклины

Сразу по возвращении Верити приняла горячий душ, предварительно сунув тульпагениковские очки в шкафчик.

После душа замотала волосы пляжным полотенцем Джо-Эдди (с контрафактной диснеевской Русалочкой) и надела шоколадного цвета тактический махровый халат, который привезла ему с корпоративного уик-энда на южноаризонском курорте. Она помнила, как рылась в корзине с бесплатной сувениркой, ища размер XL, а Стетс, торопившийся на первый вертолет, нетерпеливо смотрел, как она копается.

Тактическим халат назывался из-за джедайского капюшона и карго-карманов размером с ноутбук на обоих боках. Чей вышитый алый логотип, Верити не помнила, поскольку Стетс не стал инвестировать в ту фирму. Она не знала, носит ли Джо-Эдди халат; скорее всего, это значило, что не носит. Насчет полотенца Верити не переживала – их была целая огромная упаковка прямым из Китая, так что она всегда брала новое.

Она достала очки из шкафчика, надела и тут же вспомнила, что гарнитура осталась в сумке на двери ванной. Однако был курсор – в запотевшем зеркале, над отражением алого вышитого логотипа.

Ты там работала?

Четкая белая гельветика перед ее затуманенным отражением.

– Я даже не помню, как та фирма называется. Но у меня чувство, будто я в ответ тоже должна тебе писать.

Надень гарнитуру.

Верити промокнула волосы полотенцем, размотала его, убедилась, что правое ухо сухое, расправила полотенце на плечах и достала гарнитуру из сумки.

– Что у тебя?

– Я теперь старше.

– На два часа с нашей встречи? – спросила Верити.

– Больше, если считать многозадачность.

– Какие у тебя задачи?

– У меня нет к этому доступа. Сколько в квартире комнат?

– Гостиная, спальня, кухня, санузел. Сейчас покажу.

Верити надела пластиковые шлепанцы Джо-Эдди, много больше ее размера, сняла сумку с крючка, открыла дверь и прошла в спальню, включив по пути свет – кривой проволочный шар, обклеенный белой папиросной бумагой.

– Черные простыни, э? – Курсор на кровати.

– В данном случае – скорее, чтобы реже ходить в прачечную. Я, когда здесь ночую, сплю на диване.

– На белом ките? Я бы выбрала черные простыни.

Курсор на двери стенного шкафа. Верити подошла и открыла. Три пыльных костюма на гнутых проволочных плечиках. Она никогда не видела Джо-Эдди в костюме и не могла вообразить ни в одном из этих. Между ними, на той же занозистой деревяшке, висела ее заслуженная дорожная сумка «Мудзи», незастегнутая, модель, которую уже давно не выпускают.

– Наверное, это можно назвать моим тревожным чемоданчиком.

– Бежать с ней трудно?

– Я с ней по аэропортам бегала. Успевала. Она складывается и застегивается по трем сторонам.

– Поверю тебе на слово, – сказала Юнис. – А сейчас, пожалуйста, спустись и открой входную дверь.

– Не в таком же виде. – Верити была в халате и шлепанцах, с полотенцем на плечах и мокрыми волосами.

– Он не будет заходить. Просто отдаст тебе кое-что.

– Кто «он»?

Звонок прозвенел в то мгновение, когда Юнис открыла крохотное видео-окошко. Верити узнала вход в мастерскую – ее дверь была соседней с дверью Джо-Эдди. Там заправляли тонером картриджи, хотя Верити никогда не видела ее открытой. Почти все видео-окошко заполняла стриженная ежиком темная голова; из-за ракурса видны были только скулы.

– Камера Джо-Эдди, – сказала Юнис. – Есть еще одна под кухонным окном. В квартире ни одной.

– Я не пойду вниз.

– Он стоит с тем, что принес нам, на открытом месте, где его легко убить. Спаси паренька.

– Я не хочу.

Тем не менее Верити плотнее запахнула халат, так что один махровый карман оказался на животе, как у кенгуру. Завязала пояс двойным узлом, прошлепала в гостиную, отперла замок, открыла дверь, вышла из шлепанцев и спустилась по лестнице.

– Запри дверь на замок и щеколду, прежде чем занесешь это в дом, – сказала Юнис.

Дверь на улицу была белая, грязная и обнадеживающе прочная. Верити первый раз за время жизни здесь посмотрела в глазок, но ничего не увидела. Отперла замок, отодвинула щеколду, открыла дверь.

Тот самый. Подсвеченный телефоном в «Фиате-500» на Валенсия-стрит. Он вручил Верити что-то вроде миниатюрной надувной подушки из темно-зеленой парашютной ткани и тут же пошел прочь.

Она закрыла дверь, повернула замок, задвинула щеколду и поднялась по лестнице. Подушка оказалась жесткой. Туда влез бы пуховой жилет, только это было что-то твердое.

– Что там? – спросила Верити на площадке перед квартирой.

– Франклины, – ответила Юнис.

– Что-что?

– Сотни.

Верити заперла квартиру за собой. Прошла к верстаку, положила подушку на электронный мусор.

– Сотни чего? – спросила она, включая ржавую лампу на гибкой ножке.

– Стодолларовые бумажки. Тысячи стодолларовых бумажек.

– Ты же меня разыгрываешь?

– Сто штук зеленых.

– Где ты их взяла? Так нельзя.

– Анонимный счет в Цюрихе. Часть меня знала, что деньги там, знала, как их взять, как доставить сюда. Там еще много, но если я проделаю это снова, нас накроют.

– Кто?

– Фиг знает.

– Когда ты успела все это проделать?

– Начала, когда мы смотрели в окно. До нашего выхода в парк они уже стали милями.

– В каком смысле милями?

– Программа лояльности авиапассажиров. Они продаются и покупаются. Трудно отследить. Продала их за стопку предоплаченных банковских карт в Окленде. Когда мы проходили

мимо, он в машине ждал поставку. От оклендской команды, обналичившей карты. Пока мы шли, часть меня переписывалась с ним.

Верити глянула на зеленый мешочек:

– И это все с тех пор, как я тебя включила?

– Сняла больше, но за быструю доставку взяли большую комиссию.

Верити порылась среди мусора на верстаке. Бутановый паяльник, шариковые ручки в жестянке из-под арахисового масла, перегоревшие электронные лампы, похожие на сложно выгнутые зеркала из полированного графита. Нашла зеленую с белым картонную коробку, которую искала. Вроде промышленной упаковки бумажных носовых платков. Одноразовые перчатки. Вытащила одну, надела. Другой рукой сдернула с плеч Русалочку, взяла нейлоновый чехол полотенчатой тканью и начала возиться с фиксатором на шнурке. Огромная неэластичная перчатка была все равно что пакет для сэндвича по форме руки.

– Сто тысяч – фигня. Видела когда-нибудь миллион наליком? – спросила Юнис.

– Не носи сюда больше денег.

– Миллион франклинами весит двадцать два фунта. Чтобы уменьшить вес, надо брать швейцарские тысячефранковые банкноты.

Верити перчаткой вытащила из мешочка пачку денег; портрет Франклина рассекала красная резинка.

– Так много денег – это нехорошо, ты понимаешь?

– Дает нам возможность.

– Какую?

– Возможность действовать.

– Как именно?

– Скажем, нам надо купить кое-какую фигню.

– Какую?

– Такую, какую продают за наличные.

– Или ты расскажешь мне, что происходит, или это... – Верити подняла зеленый мешочек, – отправится на улицу. Какой-нибудь водитель мусоровоза выиграет здешний аналог национальной лотереи, мне всё по барабану. Ты в том числе.

– Не могу. Пока не могу.

– Почему?

– Не знаю.

– Ты отправишься в сумку, из которой я тебя достала. Выключенная. И поедешь в «Тульпагеникс». Велокурьером. Вместе с письмом, которым я отказываюсь от работы.

– Это не потому, что я не хочу тебе говорить.

– Ты не знаешь, что происходит и зачем?

– Не знаю.

– Значит, они знают. Гэвин. «Тульпагеникс». – Верити бросила мешочек на замусоренный верстак, опустила сверху одинокую пачку сотенных, стянула перчатку. – Они всё документируют. Должны, если ты то, что сказал Гэвин. Проприетарная программа. Наш разговор идет через другую программу, установленную на их компьютере. Они уже знают всё, что ты затеяла.

– Я не знаю, что затеяла, – ответила Юнис, – но и они не знают ни фиги. Я полностью от них закрылась.

– Мы не просто в их системе. Ты – ее часть.

– Они понимают, что я не даю им нас слушать. Пока их это устраивает, поскольку им нужно, чтобы я была умной. И у них есть ты. Они рассчитывают потом узнать все от тебя.

– Не даешь им нас слушать? Как?

– Это делает часть меня. Они не слышали ни слова из наших с тобой разговоров.

– Пока я тебя не включила, – сказала Верити, – я думала, что нашла способ не спать больше на диване Джо-Эдди.

– Забронировать тебе?

– Что?

– Номер в гостинице.

– Я не хочу твоих не пойми каких денег, я хочу денег «Тульпагеникса». Их я смогу вписать в налоговую декларацию. Твои – не могу. Извини. Мне надо волосы высушить.

Она снова накинула полотенце и вернулась в ванную.

– Я просто пытаюсь помочь, – сказала Юнис.

– Почему? – Верити повернулась к зеркалу и сняла с крюка над раковиной черный фен Джо-Эдди.

– Потому что из-за меня ты попала в эту историю.

– Возможно, мне не следовало в нее попадать.

– Но ты в нее попала. Поскольку знаешь про меня. Даже если ты откажешься от работы и вернешь меня, ты все равно будешь знать, и они будут знать, что ты знаешь.

Верити включила фен и начала сушить волосы.

Не психуй. Мы можем об этом поговорить.

– Сама не психуй, – ответила Верити, перекрикивая фен.

8

Благая победа

Юрта, как называла это Тлен, оказалась хуже, чем Недертон мог вообразить, поскольку была целиком обтянута ее живой клонированной кожей. Бледный вельд населяли пасущиеся и крадущиеся черные штриховые рисунки, анимированные татуировки, так бесившие Недертон, когда он работал с Тлен. Теперь она убрала из глаз лишние зрачки и не носила татуировок, поэтому создала заповедник для своих питомцев – каждый из них представлял антропоценовое вымирание. От такой площади кожи воздух в юрте был теплее, более влажным. Недертон старался об этом не думать, усаживаясь напротив Тлен на неровный выцветший ковер.

– Мы нашли подручное средство на местности, – начала она, пристроив чашку на ровный участок ковра, – из того немногого, что там есть.

– С этим срезом вообще трудно поддерживать связь?

– Для того нам и нужно там подручное средство. Она создана для автономных действий. Недертон поймал себя на том, что смотрит ей в глаза.

– Тебе так идет, – произнес он неожиданно для себя.

– Спасибо, – ответила она.

– Наверное, непросто было решиться.

– Это новые отношения, – почти застенчиво проговорила Тлен.

– Рад за вас обоих. Но пожалуйста, не давай мне тебя перебивать.

– Она – на удивление передовой продукт ранней милитаризации машинного интеллекта. – Бледность Тлен полностью сливалась со стеной. Глаза и фисташковые губы как будто парили в воздухе – бестелесная чеширская готка под черной змеящейся тучей антипрически. – Мы полагали, что речь идет о сохранении индивидуального сознания тех, кому это по средствам, но у военных оказалась более меритократическая цель. Они хотели сохранить некий сложный набор навыков. Не личность, а опыт.

Недертон кивнул, надеясь, что его глаза не слишком явно стекленеют.

– Например, кто-то умел управлять спорно контролируемыми территориями, СКТ, где власть не столько у правительства, сколько у преступных или экстремистских группировок. Наш ламинарный агент в срезе создан на основе кого-то с таким опытом.

– Что такое ламинарный?

– Термин, но мы еще толком не выяснили, что он значит. Обстановка на СКТ непредсказуемая, ценных специалистов легко потерять. Отсюда проект заменить их автономными ИИ, подключаемыми непосредственно к очкам местных рекрутов. Черные ящики в рюкзаках. Для проведения спецопераций. Вербовка, организация убийств...

– И насколько это работало?

– Мы не знаем. Наш агент, при всей сложности ее платформы, видимо, довольно ранний прототип.

– А у нас тут этот проект был?

– Мы не нашли записей.

– Ты с ней на связи?

– Нет. Учитывая технологическую асимметрию, она, скорее, оперативный сотрудник, которому дают указания повторяющиеся фигуры в сновидениях.

– Поэтично.

– Формулировка Лоубир. – За спиной Тлен стремительно промчалось стадо оленей, далеко в глубине несуществующего пейзажа на сплошном холсте ее собственной кожи. – Тебе нравится быть отцом?

– Да, – ответил Недертон.

Интересно, что она сделала с губами? Они вроде стали полнее.

Из саванны клонированной кожи выглянула голова хищника и тут же исчезла.

– Никогда не представляла тебя в такой роли, – сказала Тлен.

– Разумеется, у меня куда меньше времени для работы. В случае нового среза тебе придется это учитывать. Мы с Рейни очень серьезно относимся к воспитанию ребенка. Она постепенно возвращается к профессиональным обязанностям, так что с Томасом буду преимущественно сидеть я.

– Чем она занимается?

– Связи с общественностью. Фирма в Торонто, урегулирование кризисных ситуаций.

– Когда речь об урегулировании кризисных ситуаций в этом конкретном срезе, Уилф, ничто не удастся подогнать под удобное расписание. Ты должен быть доступен в любую минуту, как и я. Юнис в нас нуждается, хотя пока еще этого не знает.

– Юнис?

– Благая победа.

– Не понял.

– Ее имя по-гречески. Евника. Она – скачкообразная, сложносопряженная иерархическая структура. По крайней мере, я так предполагаю.

Недертон заморгал:

– У нее есть периферали?

– Она заказала себе несколько маленьких аэродронов. Военного уровня, по стандартам ее времени. А мастерская, где их делают, только что изготовила работающую копию двуногого боевого разведывательного робота.

– А вы эту Юнис просто нашли?

– Там ничего не бывает просто. Я нашла ее в руках дельцов, бывших правительственных чиновников, насквозь коррумпированных. Они добыли ее незаконно и собирались когда-нибудь перепрофилировать для гражданского рынка. Мы их подтолкнули. А недавно подтолкнули их нанять человека, который будет с ней работать, намекнув, что это полезно для ее развития. Все прошло довольно удачно.

– В каком смысле?

– Она не дает им мониторить свое взаимодействие с новым сотрудником. – По стене за Тлен бесшумно пронеслась птица. – Именно такая независимость нам нужна. Они тоже под впечатлением, но теперь они оценили ее потенциальные возможности, так что, боюсь, время поджимает.

Возникла пульсирующая эмблема Рейни.

– Извини, – сказал он Тлен. – Телефон. – Повернул голову: – Да?

– К обеду вернешься? – спросила Рейни.

– Да.

– Ты где?

– Долстон. По работе. У Тлен.

– Везет тебе, – сказала Рейни. Ее эмблема погасла.

– Рейни, – пояснил он, снова поворачиваясь к Тлен. – Передает тебе привет.

9

Ценная хреновина

Верити разбудил телефон, вибрирующий на полу в беззвучном режиме. Она высвободила руку из вкладыша, застегнутого на молнию почти до подбородка, и пошарила рядом с диваном.

Накануне вечером Юнис показала ей «Начало» с паузами для упомянутой инфографики. Что-то в этом изменило ее отношение к Юнис, хотя Верити не сумела бы сказать, что именно и почему. Вчера днем казалось, что разумнее всего вернуть Юнис Гэвину, но трогательное нердовское желание поделиться любимым фильмом пробудило растущую эмпатию. Это было как-то связано с ощущением личности, на периферии которой кипит бурная жизнь.

– Завтрак, – сказала Юнис, как только Верити поднесла телефон к уху. – «Волки плюс Булки».

– Это не плюс, – ответила Верити, – а «и».

– Написано плюс.

– Знак плюса – это хипстерский амперсанд.

– Завтрак скоро кончится, но мак-волк с яйцом еще остался. Пока будешь есть, изложу тебе обстановку.

Верити вспомнила, что мешочек сотенных упрятан в стенной шкаф (Юнис велела не оставлять его на верстаке). Она вылезла из вкладыша, сложила его и влезла в пластиковые шлепанцы Джо-Эдди.

В кухне пропустила воду из крана через фильтр в форме Пикачу, набрала полстакана, выпила.

В ванной, все еще полусонная, воспользовалась унитазом, умылась, почистила зубы и вернулась в спальню за чистыми трусами, свежей футболкой, кроссовками. Подумала, что на улице, наверное, холодно, так что надела еще и рыжую шерстяную ковбойку-пиджак Джо-Эдди из японского джинсового магазинчика, на два размера больше, чем носила сама.

В гостиной сняла очки с зарядки и надела. Появился курсор. Юнис смотрела на гарнитуру, включенную в собственную зарядку.

Эй.

Верити выдернула гарнитуру из зарядника и вставила наушник в ухо.

– Нам надо вывести тебя туда, – сказала Юнис.

– Зачем?

– Потому что франклины нужны там. В том дайнимовом чехле, куда ты их убрала.

– Каком?

– Дайнимовом. Материал, из которого чехол.

– Зачем?

– Кто-то захотел сделать крутой чехол.

– Деньги зачем?

– Их заберут. Лучше там, чем здесь.

Верити не знала, как поступила бы с деньгами, реши она вернуть Юнис в «Тюльпагеникс» (чего делать уже не собиралась). Отдать их кому-нибудь – неплохой вариант. Так что она вернулась в спальню, к стенному шкафу, за чехлом. Дайнима оказалась чем-то вроде тайвека, только еще круче.

Решив на сей раз не прятать наушник, Верити спустилась на улицу. «Волки + Булки» были в том же доме, третья дверь справа. Голый кирпич и дымчатая сталь, запах пекарни. Она заказала мак-волк (мутантный пряный маффин с начинкой из яйца в мешочек, загадочным образом очищенного от скорлупы), расплатилась и стала смотреть, как паренек по другую сто-

рону стойки щипцами кладет ее мак-волк на белую фарфоровую тарелку. Он поставил тарелку на советского вида пластмассовый поднос, серый, примерно того же оттенка, как оправа ее тульпагениковских очков, добавил туда же кофе и столовый прибор в бумажной салфетке.

– Табурет у окна, – сказала Юнис.

Верити отнесла поднос к стойке-подоконнику с видом на Валенсия-стрит. Все стальные табуреты перед окном были свободны.

– Деньги держи на коленях, – распорядилась Юнис.

Сто тысяч свинцовым фартуком давили на колени. Верити разрежала маффины, выпустив теплый желток, и начала есть, запивая кофе. Солнце вновь пробилось сквозь облака и озарило прохожих – судя по виду, сплошь обитателей страны Стартапии, тружеников среди тилландсии.

– Интересно, что бы подумали хиппи, знай они, что это две тысячи семнадцатый? – спросила Юнис. – Кто-нибудь из тысяча девятьсот шестьдесят седьмого?

– Они бы решили, что победили, – ответила Верити. – Но они бы в жизни не догадались, чем большинство здесь зарабатывает на жизнь, и не сумели бы вообразить, что за этим стоит.

– Ты меня поняла. – Говоря, Юнис оцифровала лицо молодого человека – тот походил на коренастого амишского землепашца, вырядившегося хелс-готом¹².

– Зачем ты все время это делаешь?

– Они по большей части либо живут здесь, либо работают. Набрать достаточно, начнут проявляться аномалии.

– И чем это отличается от паранойи?

– Ничем. Кроме того, что не безумие.

Верити принялась за следующий кусок мак-волка.

– Ты хорошенько проверила своего нанимателя, прежде чем к нему идти? – спросила Юнис.

– Не особо, – с набитым ртом.

– Совсем не проверяла?

Проглотила.

– Давно никто ничего не предлагал.

– Они все спецслужбисты, в фирме-учредителе. Твой бывший понял бы, о чем я.

– Это в прошлом.

– Общаетесь хоть иногда?

– Нет. А теперь он помолвлен. С девушкой, у которой до знакомства с ним был собственный пресс-секретарь. СМИ устроили за ними настоящую охоту.

– Кейтлин. Франко-ирландская архитекторша.

– Если я хоть близко к нему подойду, то наступлю на все мины-растяжки таблоидов.

– А может, и нет, если все сделаешь правильно, – сказала Юнис. – Он бы все знал про «Курсию».

– Что именно?

– Что они – подвид полностью отрицаемого проекта министерства обороны.

– Типа венчурного капитала ЦРУ?

– Ближе не лежали, – ответила Юнити. – То – фасад. Мегафауна. «Курсия» даже в самое свое легальное время пряталась в подлесе. И сейчас прячется, но сменила защитную окраску на игровую индустрию. Когда минобороны требует отрицания с удвоенной силой, первоначальную миссию вычищают из памяти под ноль. Проект выводят из министерства, лишают финансирования, забывают. Сейчас случается реже, чем во времена Ирака, но «Курсия» именно такая.

¹² Хелс-готы, как и обычные готы, носят в основном черное, но одежда их спортивная и футуристическая, отчасти даже киберпанковская, она включает водонепроницаемые ткани и дышащие сетки, неопрен и кевлар.

– Откуда ты знаешь?

– Я многозадачу. Делаю это у себя за спиной, как будто не знаю, откуда знаю про «Курсию». Похожа я типа как бы на то, что тебе обещал Гэвин?

– А что?

– Если я правда такая, – сказала Юнис, – то, наверное, «Курсия» успела кое-что в Минобороны стырить. «Тулпагеникс» – их фасад для монетизации этого самого.

– Этого?

– Меня. Ешь. Сейчас курьер подойдет.

Юнис открыла видео-окошко, в ракурсе, как с камеры наблюдения. Курсор отыскал мужчину в темной бейсболке, белого, с бородой, но определенно не из-под тилландсии. Он шагнул, не улыбаясь, по Валенсия-стрит. Под мышкой – черная сумка.

– Он войдет, возьмет кофе, сядет рядом с тобой. Справа. Отдай ему чехол, под стойкой. Он переложит деньги себе в сумку, а в чехол уберет пеликановский кейс.

– Какой кейс?

– Из твердого пластика. Не тяжелый, но объемный. В чехол влезет, но с трудом. Ты смотришь в окно, делаешь вид, будто ничего не происходит. Он под стойкой передает тебе чехол, ты уходишь и возвращаешься домой.

– Что он мне передаст?

– Ценную хреновину.

– За сто тысяч долларов?

– Все изготовлено с нуля, кроме моторчиков, аккумуляторов, камер, всего такого.

– Зачем ты это делаешь, Юнис? – спросила Верити.

Мужчина в бейсболке прошел за окном, не глянув в ее сторону.

– Ради возможностей.

– Мне это не нравится.

– Допивай кофе.

Верити подчинилась, перебарывая желание оглянуться и посмотреть на мужчину в бейсболке.

– Здесь свободно? – Мужской голос.

Она обернулась, подняла взгляд:

– Да.

– Спасибо.

Верити вновь посмотрела в окно, не видя улицу. Краем глаза она различила, как мужчина в бейсболке поставил кофе на стойку и сел на соседний табурет.

– Передай ему дайниму, – сказала Юнис, – под стойкой.

Верити не хотела, но подчинилась, инстинктивно ожидая, что он возмутится. Заставила себя смотреть прямо вперед. Шуршание под стойкой. Два отчетливых щелчка. Зашелки на мешочке. Снова шуршание.

Затем мужчина передал чехол обратно. Внутри было что-то твердое, прямоугольное.

– Пора идти, – скомандовала Юнис. – Вперед.

– Извините, – сказала Верити, вытаскивая чехол из-под стойки.

Часть прямоугольного предмета, торчащая из чехла, была зеленовато-песочного цвета. Джо-Эдди как-то сказал, что этот оттенок называется «Койот». Цвет снаряжения магазинных ниндзя, помимо черного и хаки.

– Все о'кей, – глядя ей прямо в глаза. Сто тысяч франклинов – очевидно, в сумке под мышкой.

Она пошла к выходу.

– Отлично, – сказала Юнис. – Теперь в квартиру.

– Деньги были для него? – спросила Верити на улице.

– Мастерская в Окленде, делает реквизит для лос-анджелесских студий.

В подъезде Верити заперлась и задвинула щеколду. Поднялась по лестнице. Чехол бился о ногу.

В кухне она положила его на стол и вытащила прямоугольный кейс. У него оказалась неожиданно массивная складная ручка, хотя сам он был нетяжелый. Поверхность равномерно шероховатая. На алюминиевой пластинке сбоку от крышки надпись – «Pelican case 1400 Torrance CA».

– Открой, – велела Юнис.

Верити осмотрела непривычный механизм защелок.

– Как?

Появился мультипликационный рисунок: белые контурные руки показали, как открыть белую контурную крышку. Повторяя за ними, Верити открыла настоящие защелки, подняла настоящую крышку. Четыре квадратных гнезда в черной пористой подложке составляли большой квадрат.

– Проверим, – сказала Юнис.

Из одного гнезда, не совсем бесшумно, поднялось что-то темно-серое, неотражающее. Когда оно поравнялось с очками, Юнис открыла видео-окошко. Верити на миг заглянула в собственные, нелестно заснятые глаза. Затем дрон поднялся выше, в окошке появилась кухня за спиной у Верити и вход в гостиную.

У Стетса были дроны, целая коллекция. Их ему дарили в надежде на поддержку стартапов. Этот был тише, практически бесшумный.

– Сколько он может оставаться в воздухе?

– Восемь часов. С грузом меньше.

– Ни один из них столько не работает, – сказала Верити.

– Этот военный. Вернее, притворяется военным. Открой кухонное окно.

Верити подошла к окну, повернула ручку, покрашенную слоями краски, и распахнула раму. Картинка с камеры дрона изменилась: теперь это была кухонная дверь. Смазанность от быстрого движения, потом ее собственная спина в рыжей ковбойке-пиджаке Джо-Эдди (которую она немедленно решила никогда больше не надевать), и вот уже дрон с тишайшим командным звоном пронесся мимо и быстро начал уходить вертикально вверх. Выше низкого парапета плоской крыши.

Верити никогда не выходила на крышу дома. Там, впрочем, ничего и не было, что вскоре подтвердил дрон. Он завис над серой кучкой: косточки, маленький череп с клювом, намек на истлевшие крылья.

– Чайка, – сказала Юнис.

– Как туда попадают? В смысле, без дрона.

Дрон повернул, показал Верити покореженный металлический люк в облупившейся алюминиевой краске.

– Через соседнее помещение. Нежилое. Арендуют вьетнамцы.

– Значит, Джо-Эдди там, скорее всего, никогда не бывал?

– Он ловкий?

– Нет.

– Держись, – сказала Юнис. – Прыгаем.

Камера дрона устремилась к Валенсия-стрит, через парапет, вниз к тротуару. Верити ойкнула. На долю секунды дрон завис в дюйме от асфальта и тут же пошел вверх. Заглянул через окно в «Волки и Булки», где молодой азиат пил что-то из белой чашки, сидя на том же месте, что Верити минуты назад. Юнис оцифровала его лицо.

– Юнис, зачем ты это делаешь?

– Да просто осматриваюсь все время, – ответила Юнис; дрон тем временем взмыл вверх и снова показал крышу. – А ты разве нет?

10

«Рио»

Тихоботка, цокая когтями, проводила Недертон до двери и оставила одного на неровном асфальте дожидаться машины, которую вызвала Тлен.

На соседнем перекрестке стоял кинотеатр тысяча девятьсот тридцатых годов. Высоко на ребристом белом фасаде в стиле ар-деко синели окантованные сталью печатные буквы «РИО». Недертон как-то водил туда Рейни на фестиваль Куросавы и не вспомнил, что здание смотрит на жутковатую гасиенду Тлен.

Прибывшая машина оказалась одноместной с фронтальной загрузкой, самое маленькое из трех колес располагалось сзади. Словно сбежавшая из спа-салона индивидуальная сауна, подумал Недертон. Она открыла единственную дверцу и, когда он залезал внутрь, произнесла: «Добрый вечер, мистер Недертон».

Дверца закрылась, он назвал адрес на Альфред-Мьюз¹³ и позвонил Рейни.

Ее эмблема засветилась, когда машина проезжала мимо кинотеатра.

– Еду, – сказал он.

– Как Тлен? – спросила Рейни.

– Рассталась с бифокальными глазами. И татуировками. Сказала, с кем-то встречается.

– Теперь она тебя меньше раздражает?

– Нет.

– Вы виделись по работе, я правильно понимаю? – Ее шутка.

– Лоубир. Новый проект.

– Срез, – сказала Рейни.

– Откуда ты знаешь?

– По твоим рассказам выходит, она ими одержима.

– Как Томас?

– Спит.

Рейни открыла видео-окошко: их сын, свернувшийся клубочком в кроватке.

– Скоро приеду.

– Жду.

Томас исчез. Эмблема Рейни погасла.

Недертон смотрел на магазины, на редких прохожих. Двое разговаривали в дверях паба.

Он закрыл глаза, отчего подголовник сразу принял более удобное положение. Когда он снова их открыл, машина стояла на светофоре, все еще в Хэрни.

Через лобовое стекло он увидел у пешеходного перехода нечто на трех ногах, метра три высотой. Оно тоже ждало на светофоре, окутанное плащом из какого-то материала, по виду – из потемневшей от сырости дранки.

Хэрни¹⁴, раздраженно подумал Недертон. Вечно они выражены во что-то другое.

¹³ Тупик, выходящий на Тотнем-Корт-роуд в центральной части Лондона. Как все лондонские улицы с «-мьюз» в названии, представляет собой бывшие конюшни; жилье для слуг, располагавшееся над конюшнями, превращено в современные городские квартиры.

¹⁴ Хэрни – район в лондонском Ист-Энде; хэрни – наемный экипаж.

11

Дерево отношений

Верити двигалась в узком каньоне между стеной и ненужным куском гипсокартона под верстаком Джо-Эдди, в двух дюймах от комков пыли и бумажки от жевательной резинки, которую кто-то сложил до минимально возможного размера.

Тут Юнис открыла видео-окошко, разделенное на шесть одинаковых частей.

В каждой было по незнакомому человеку, двое из них – женщины.

– Кто это? – Верити выпрямилась в офисном кресле и остановила дрон безымянным контроллером, который Юнис загрузила в ее телефон.

– Нечто вроде «Убера», – сказала Юнис, – только для слежки за людьми.

– Да ладно! И как это называется?

– «Шпикр», – ответила Юнис и на миг выдала название белой гелветикой. – Ты правда в этом году почти не выходила в сеть?

– За кем они следят? – Уже зная ответ.

– За тобой.

Верити пригляделась. Молодая латиноамериканка в нижнем правом углу показывалась в другом ракурсе, с другим разрешением.

– Слева внизу, это ж в «Три и семь»?

– Картинка с тамошней камеры. Еще две с уличных. Дронов всего четыре, и одним ты шастаешь под мебелью.

Девушка в «3,7» была полностью занята телефоном.

– Что она делает?

– Играет в «Кенди-краш-сагу». Нецифровая слежка – скука смертная.

В другой части окошка белый мужчина сидел за рулем автомобиля, глядя прямо вперед и, очевидно, не замечая висящего перед ним дрона. Верити подумала, что настолько незнакомое лицо, вероятно, плюс при такой работе.

– Их натравил на тебя Гэвин. Думает, его не вычислить.

Верити начала выводить аппаратик из-за гипсокартона.

– Раз они посадили кого-то в «Три и семь», значит вчера за нами наблюдали.

– Наблюдал человек из «Курсии». Фамилия Прайор. Нашла его на паре уличных камер. Распознавание выдало полное досье. Хреновый тип. Шестеро со «Шпикра» – неопасные. Тот, что за рулем, просрочил алименты, остальные вообще полностью законопослушные граждане.

Окошко исчезло.

– Что им надо? – спросила Верити, когда дрон обогнул край гипсокартона.

– Увидеть тебя. Поскольку я не даю «Тульпагениксу» нас мониторить, Гэвин нанял эту публику.

Верити вернула дрон в кухню, где сидела за столом перед открытым пеликановским кейсом. Кто-то перехватил дрон – то ли Юнис, то ли кейс. Он завис, скорректировал положение и опустился ровно в свое гнездо.

– Ты нашла их с помощью дронов?

– С помощью дронов и накопленного банка лиц.

– Что это значит?

– Тебе не понравится, – сказала Юнис, – но это значит, что ты должна увидеться со Стетсоном Хауэллом.

– Исключено.

– Тебе нужен кто-то, кого они голыми руками не возьмут. Он – лучшее, что у тебя есть. Я построила дерево отношений. Там видно, что со всеми другими, кто мог бы тебя выручить, ты познакомилась через него. И в отличие от твоего Стетса им не с чего тебе помогать.

– Он не «мой» Стетс. – Очень хотелось швырнуть мобильный через всю кухню, но Верити напомнила себе, что телефон ее, а она разговаривает с Юнис через наушник и тульпа-гениксовский телефон.

– Но козлом ты его не считаешь.

Зазвонил телефон Верити, и ей снова захотелось швырнуть его через всю кухню, поскольку номер высветился незнакомый.

– Алло.

– Верити? Это Стетс.

– Стетс, – механически повторила она.

– У меня на другой линии твоя новая личная помощница. Она говорит, нам надо встретиться.

– Правда?

– Говорит, сегодня утром у тебя единственное окошко в расписании. Верджил тебя забрет. Через двадцать минут?

Верджил Робертс, который, по общему мнению, выглядел так, будто у Жанель Монэ¹⁵ есть брат-близнец, был в глазах людей, не приближенных к Стетсу, его универсальным мальчиком на побегушках, однако на самом деле, помимо прочего, исполнял в фирме роль штатного критика.

– О'кей, – сказала Верити, – через двадцать минут. Увидимся. – Провела пальцем по экрану, отключаясь. – Черт побери, Юнис...

– На сейчас это единственный вариант, который может вытащить нас из задницы. Ясно?

– Блин, – сказала Верити, нехотя признав, что это примерно означало «да»; через двадцать минут она уже садилась на пассажирское место электрического «БМВ».

– Как ты? – Верджил, широко улыбаясь, правой рукой пожал ее левую ладонь.

– Сложно. Куда мы едем?

– Фримонт, – ответил он (Юнис тем временем оцифровала его лицо); название улицы ничего Верити не сказало.

Верджил встроился в поток транспорта на Валенсия-стрит.

– А ты как? – спросила Верити.

– Пашу на него. В основном всякая фигня с ремонтом, но в невбубенных масштабах. Ты работаешь?

– Холостяцкая берложка, – сказала Юнис, и очки заполнил аэрофотоснимок. Залитые солнцем верхние этажи небоскреба, пронзающие сфотошопленную сахарную вату облаков. – Невеста наводит красоту на верхние два этажа. Площадь – примерно три теннисных корта.

Картинка исчезла.

– Только что устроилась, – ответила Верити, – но рассказывать не могу.

– Если это не связано с демонтажом мрамора, считай, тебе повезло. Мрамора там до хрена и больше, прежний владелец, похоже, не знал, что бывают другие материалы. Кейтлин хочет, чтобы каждый грамм пошел в оптимальную переработку, а значит, снимать его надо целиком, не раскалывая.

У нее зазвонил телефон.

– Извини.

– Ничего-ничего, – ответил Верджил, сворачивая на другую улицу.

– Не злись на меня, – сказала Юнис.

¹⁵ Жанель Монэ Робинсон (р. 1985) – американская чернокожая певица, автор песен, рэперша, актриса и продюсер.

– Есть за что. – Верити говорила бодро, поскольку Верджил ее слышал.

– Это ситуационное.

– Постоянное, если все будет продолжаться так же, – сказала Верити, когда Верджил сворачивал на Четырнадцатую.

– Нам нужно оставаться внутри их системы обратной связи. Иногда мне придется вытаскивать тебя из зоны комфорта.

Впереди возник угрюмо-укоризненный фасад Арсенала.

– Когда меня толкают, это вне зоны моего комфорта.

– В данный момент за нами хвост, – сообщила Юнис. – Чувак с просроченными алимен-тами. Еще четверо ждут машин, чтобы ехать, куда он скажет. Одна осталась в «Три и семь» на случай, если ты вернешься. Не отбрыкивайся от моих советов.

Верити глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух.

– Ладно.

Они миновали Арсенал и ехали мимо муралов с протестами против обуржуазивания рай-она.

– Нам надо будет сесть и все со Стетсом перетереть. Втроем.

– Как это будет выглядеть? В смысле устройств?

– Обойдемся тем, что у него есть. В худшем случае подопреешь чем-нибудь мобилку и включишь громкую связь, а я буду в виде аватары.

– Темы?

– Твоя новая работа, мое мнение о твоём работодателе.

– То, что ты мне сказала? – Верити глянула на Верджила, который вел машину чересчур сосредоточенно.

– Именно, – ответила Юнис, – и твои мысли по этому поводу. Никто никого к стенке не припирает. Мы даем ему шанс решить, хочет ли он с нами связываться.

Мимо микротрущоб из картонных коробок и магазинных тележек, накрытых синим полиэтиленом из магазинов «все по доллару».

– Это не только от него зависит. И не только от тебя.

– Знаю. Но мы почти приехали. Отбой.

– Ладно. Пока. – Верити опустила телефон.

Они проехали под эстакадой перед мостом.

Дальше – СоМа¹⁶, затем, несколько кварталов и поворотов спустя, безупречно чистый бетонный съезд. Верджил притормозил, белая стальная решетка пошла вверх, машина вновь тронулась, и Верити, обернувшись, увидела, как решетка опустилась.

¹⁶ Район Сан-Франциско южнее Маркет-стрит.

12

Альфред-Мьюз

Рейни обставила его лондонскую квартиру мебелью более или менее человеческого изготовления. «Которая ни во что под тобой не превращается», по ее выражению. Она обожала скандинавский дизайн середины двадцатого века, но не могла его себе позволить, так что искала старинные подделки, а не точные, изготовленные ассемблерами копии.

– Так это совсем рано? Раньше округа? – спросила она, раскладывая по тарелкам ужин.

– За год до того, как американцы впервые избрали женщину-президента.

– Гонсалес?

– Нет. Они избрали свою раньше, в две тысячи шестнадцатом. А итог голосования по Брекситу был «остаться в ЕС». Я могу тебе чем-нибудь помочь?

– Глянь на Томаса, пожалуйста.

Он подошел к двери детской. Томас спал, окруженный успокаивающей проекцией миниатюрного северного сияния.

– Все хорошо.

– А люди там счастливее? – спросила Рейни. – Счастливее, чем были здесь тогда?

– Я так понимаю, не особенно.

– Жалко. На обед сегодня такос с тилипией. Из ресторанчика на Тотнем-Корт-роуд. В твоём новом срезе мексиканская еда наверняка лучше. Отчего же они не радуются?

– Все по-прежнему идет к джекпоту, хотя в этой конкретной точке и не так стремительно. – Он сел за стол. – По крайней мере, пандемии для них еще впереди.

Рейни села напротив него.

– Никогда не могла вообразить жизнь до две тысячи двадцатых как что-то реальное. Трудно поверить, что они не радовались каждую минуту, ведь у них столько всего было. Тигры, например. – Она взяла тако. – И что изменило исход выборов?

– Мы пока не знаем. Из-за плохой связи нет доступа к данным, без которых этого не выяснить.

– А меня ты можешь туда взять?

– Пока нет. Все из-за той же плохой связи. Нет нужной инфраструктуры.

– В округе мне нравится, – сказала она, – хоть и грустно всякий раз.

– Правда? Почему?

– Они живут в теории заговора, только по-настоящему. Ими управляют тайные повелители. Твоя работодательница, главным образом.

– Но ведь благодаря нашему вмешательству им лучше?

– Да, конечно, но это обесмысливает их жизнь.

– Однако все, с кем ты там знакома, в этом участвуют.

– Не знаю, предпочла бы я знать или не знать, – сказала она и откусила тако.

13

Стетс

Верджил поставил машину в белом гараже, рядом с новехонькими фургонами, на бетонном полу, почти не исполосованном следами шин. Впереди была бронзовая лифтовая дверь в такой же массивной бронзовой раме. Прежний владелец, решила Верити. Вряд ли невеста-архитекторша увлекается псевдофараоновским китчем.

Они вылезли из машины. Верджил подошел к лифту, вставил ключ-карту в щель. Дверь с жужжанием открылась, и Верджил сделал знак рукой – заходи, мол.

Верити вошла, увидела свое отражение в розово-золотом зеркале.

– Держись, – сказал Верджил снаружи. – Лифт быстрый.

– Ты не едешь?

– Дела здесь. Но я отвезу тебя назад.

– О'кей, – ответила она. – Спасибо.

– Пятьдесят второй, – сказал он в закрывающуюся дверь.

Верити взялась за непомерно большой поручень, лифт, плавно ускоряясь, начал подъем, в очках замелькали видео-окошки, словно ряд горизонтально разложенных карт.

– Все камеры здания, кроме этажей Стетса, – сказала Юнис.

От скорости немного закружилась голова. Бесконечные опенспейсы, подсвеченные мониторами лица, длинная стойка в кухне размером с квартиру Верити, пустой бассейн, вид сверху, младенец в кроватке.

Лифт остановился почти без толчка. Картинки исчезли. Верити повернулась навстречу странному синему свету из открывшейся двери.

Вдалеке вгрызлся во что-то электроинструмент. Она еще разок обернулась взглянуть на себя в зеркало и шагнула в фантастическое, озаренное синим пространство. Верхние этажи небоскреба оголили до бетона, оставив лишь часть последнего межэтажного перекрытия, к которому уходили леса с зигзагом временных алюминиевых лестниц. Стекланные стены были сверху донизу затянуты сшитыми полосами синего полиэтилена, как на самодельных хибарах по пути сюда.

С едва различимым стрекотом что-то вылетело из-под лацкана ее твидового жакета и устремилось вперед.

– Другой в машине с Верджилом. – Юнис открыла видеотрансляцию с микродрона: сперва один лишь синий полиэтилен, затем недолгая размытость (аппаратик скользнул в щель) и, наконец, вид на залив, где в зареве догорающего лесного пожара вырисовывалось нечто столь огромное, что казалось, горизонт должен просесть под его весом.

– Что это?

– Контейнеровоз, – ответила Юнис. – Китайский. Не самый большой у них, но здесь – самый.

Пила или шлифмашинка заработала снова, эхо металлически прокатилось по бетонному полу, вероятно еще недавно облицованному тем самым мрамором.

– Верити!

Контейнеровоз исчез. Верити подняла глаза.

Его лицо над ярко-желтыми перилами, фирменная всклокоченная шевелюра.

– Давай сюда! – крикнул он; Юнис тем временем стягивала линии к его носу. – Я бы к тебе спустился, да вот колено себе поуродовал.

Только на подъеме Верити сообразила, что не успевает поволноваться из-за неловкости предстоящей встречи.

– Что у тебя с коленом? – спросила она, когда выбралась наверх и увидела черный шарнирный ортез на левой ноге Стетса, от черных бермудов и до середины икры.

– Упал с «хонды».

Сетчатый строительный жилет поверх черной футболки был крест-накрест исчерчен флуоресцентно-оранжевыми и серебристыми отражающими полосами.

– Мне казалось, ты ненавидишь мотоциклы.

– Это был самолет.

– Самолет?

– Эйч-Эй-четыреста двадцать. Забирал на той неделе. Абсолютно писксаровский персонаж.

– Ты упал с самолета?

– С трапа. Ничего не сломал, но приходится делать физиотерапию и носить вот это. –

Он похлопал по ортезу.

Они обнялись, не прижимаясь. Стетс чмокнул ее в щечку, улыбнулся:

– Рад тебя видеть.

– И я.

– Ты надолго пропала.

– От СМИ пряталась.

– Так твоя помощница и сказала.

– Юнис.

– Классный профессионал. Где ты ее нашла?

– Это она меня нашла. А там у тебя что? – Верити разглядела что-то гладкое серебристое у него за спиной и обрадовалась поводу сменить тему.

– «Эйрстрим Летящее облако».

– Как вы его сюда затащили?

– В нашем случае все ясно из названия модели. Часть крыши разобрана, вот мы и не устояли перед искушением.

– А как будете вытаскивать?

– Кейтлин хочет его встроить. Вроде тайного штаба. Домика на дереве.

– Поздравляю с помолвкой. – Классическая неловкая фраза из тех, что так трудно сказать бывшему, и все же Верити ничего не почувствовала.

– А у тебя кто-нибудь есть? – спросил Стетс.

Вторая половина двойной порции неловкости. И вновь ничего.

– Нет, – ответила Верити.

Перед трейлером он подал ей руку, помогая взойти по лесенке, потом, морщась, залез сам и оставил дверь открытой.

– Сильно болит?

– Не очень. – Он через шорты потер ногу. – Хочешь чего-нибудь? Воды? Кофе?

– Нет, спасибо. Что она тебе сказала?

И тут же накатила неловкость, но не из-за встречи со Стетсом. Из-за Юнис.

– Сперва объяснила, как нашла номер, по которому звонит, поскольку я с ходу это спросил. Теоретически его нельзя найти.

– Ой, извини.

– Не за что. Она показала мне уязвимость, через которую нашла мой номер, и сказала, что звонит от твоего имени. Чтобы я, если захочу, мог не кривя душой сказать, что не имел с тобой никаких контактов.

– Ты поверил?

Он вздернул подбородок:

– Не обязательно. Но она показала мне баг в системе безопасности, за которую я заплатил деньги. И утверждала, что работает на тебя.

– Но я не просила ее звонить.

– Тебе нужна помощь. Прямо она этого не говорила, но у меня создалось такое ощущение.

– А этот трейлер не сведет гениального архитектора с ума? – спросила Верити в надежде хоть ненадолго сменить тему.

– Кейтлин заказала его через интернет. На все про все ушло восемь минут. Говорит, у нее было дивное чувство полной безответственности.

– А зачем синий полиэтилен? – Верити чуть не спросила про контейнеровоз, но вовремя прикусила язык. – Здесь должен быть невероятно красивый вид.

– Дроны. СМИ. Пытаются сфотографировать нас. А если не нас, то хотя бы помещение внутри. А стены стеклянные.

– А как вы будете тут жить?

– В Токио есть лаборатория, которая, возможно, сумеет нам помочь. Отправляем туда Верджила. Не хочешь слетать?

Далекий инструмент снова заработал, стены трейлера заглушали звук.

– В «хонде»?

– Пять остановок для дозаправки. Зато увидишь «Трук интернешнл».

– Что увижу?

– Аэропорт. Микронезия. «Хонде», чтобы долететь до Токио, надо все время заправляться.

– Извини, но у меня тут работа. Только что подписала контракт.

– С кем?

– «Тюльпагеникс». Знаешь такую?

– Нет.

– Дочерняя фирма «Курсии». – Заметив, что Стетс отреагировал на название, Верити добавила: – Ты про нее слышал.

Он кивнул.

– И что думаешь?

– Душок спецслужб с очень неопределенными криминальными обертонами. Никак не то, во что я стал бы инвестировать. Для чего они тебя наняли?

– Оценка альфа-версии продукта.

– Какого?

Верити ответила, зная, что нарушает соглашение о неразглашении:

– Кастомизированная виртуальная аватара на серьезном ИИ-базисе.

– Ну и как?

– Ты оценил высоко.

У Стетса расширились глаза.

– Ты сказал, она классный профессионал. Очки – интерфейс. – Пока Верити говорила, открылось видео-окошко: вид из гироскопической неподвижности на серебристую крышу трейлера. – Она может провести конференцию с моего телефона.

– Подключи ее сюда через блютус. – Стетс показал на голый участок фанерованной стены.

Дрон-трансляция штопором прошла вниз и через открытую дверь трейлера. Верити увидела свое лицо и затылок Стетса. Дрон взмыл к потолку и застыл, глядя на них сверху, пока Стетс, не знающий о наблюдении, вытаскивал из-за фанеры экран. Верити достала телефон и выбрала единственное блютус-устройство, которое тот нашел.

– Привет, – сказала чернокожая женщина, чье лицо под идеально ровным офисным афро заполнило экран.

- Ты мне говорила, там нет никакого там, – заметила Верити.
- Картинка откуда-то, но мне пока сойдет.
- Здравствуйте, Юнис, – сказал Стетс.
- Мистер Хауэлл. Очень приятно.
- Стетс. Кто вы, Юнис?
- Проект в стадии разработки.
- Чей?
- С этой минуты – мой.
- Что бы вы хотели обсудить?

Юнис полностью завладела его вниманием, а Верити знала, как редко это бывает.

– Давайте попросим Верити рассказать о нашем знакомстве. Как она это восприняла. А потом мы попытаемся ответить на ваши вопросы.

- Отлично, – сказал Стетс.

Верити, стараясь ничего не упустить, изложила все по порядку, начиная с первого мейла от Гэвина. Юнис и Стетс не перебивали, не задавали вопросов. Верити рассказала про франклины и купленные на них дроны. Стетс слушал все более заинтересованно.

Закончив, она попыталась вспомнить, когда видела в его глазах такое живое любопытство. Похоже, что никогда.

14

Эль-Камышлы

Вечером Рейни и няня пошли гулять с Томасом. Недертон лежал на кровати и разговаривал с Лоубир. Которая по обыкновению позвонила ровно в ту минуту, как он остался один.

– Так вы не знаете, есть ли Юнис, ваш программный агент, в нашем прошлом? – спросил он, изучая раздвоенную трещину, которую только сейчас заметил на потолке.

Настоящая это трещина или артефакт, созданный ассемблерами для иллюзии подлинности? Если Рейни заметит, надо уверять, что настоящая, поскольку творение ассемблеров ее огорчит.

– Мы предполагаем, что есть, – ответила Лоубир. – У меня завтра встреча с Кловис Фиринг, она попытается что-нибудь выяснить. Могу вас взять, если хотите.

Это означало, что он должен ехать.

К Фиринг, своей американской сверстнице, Лоубир отвезла Недертона почти в самом начале их знакомства. Больше он ту не видел, зато близко познакомился с ее куда более молодой версией в округе – хладнокровной снайпершей, возглавлявшей теперь личную охрану Флинн.

– Как она?

– Медицинские проблемы потребовали сложной фаготерапии, однако она уже на ногах, и я попросила ее заняться Юнис.

– Она все в том же антикварном магазинчике на Портобелло-роуд?

– Да, «Культура Кловис». Говорит, антиквариат в лавке стал лучшей частью ее памяти.

– А в округе не спрашивали? У вашей тамошней молодой версии серьезные связи в Вашингтоне. Включая нынешнего президента.

– Конечно спрашивала, – ответила Лоубир, – но там ничего не нашли.

Недертон встал и в носках, без обуви прошлепал на кухню. «Эспresso», – приказал он машине. Рейни, как правило, такого не позволяла; она требовала, чтобы он сам варил кофе. «Без кофеина», – добавил он (нарушить оба ее правила не позволила совесть).

– Значит, вы побуждаете этот ИИ наращивать собственный функционал? – Наблюдая, как машина выпускает в чашку тонкую дымящуюся струйку обескофеиненного эспresso.

– Да, хотя, как представляется, это базовая часть ее пакета – увеличивать свои возможности. Должна, впрочем, упомянуть, что, по оценкам тетюшек, срез Юнис скоро закончится, по крайней мере в интересующем нас смысле. Эту вероятность мы тоже должны учитывать.

– Закончится? – переспросил Недертон, думая, что ослышался, и отпил кофе.

– Да, – ответила Лоубир.

– Извините. «Закончится»?

– Да.

– Как?

– Ядерная война.

– Тлен что-то такое упомянула, но я и не подумал, что все настолько серьезно, – сказал Недертон, глядя на исходящую паром белую фарфоровую чашечку. Точно в середине, в обрамлении светло-коричневой пенки отражался кухонный абажур.

– Это исключительно серьезно. Эль-Камышлы. Кризис начался там, хотя распространялся, конечно, гораздо шире.

Название как из Томасовой книги сказок. Потом Недертон вспомнил, что говорила Тлен.

– Это в Турции?

– В Сирии. Город на границе с Турцией, северо-восток страны, напротив турецкого Нусайбина. Сложное место, даже по тогдашним меркам региона.

Недертон допил свой обескофеиненный кофе – жест столь же ненатуральный, как и сам напиток, – и поставил чашку обратно.

– Так этот кризис ваших рук дело?

– Ни в коем разе. Он достался нам вместе с территорией и оказался полной неожиданностью. Последний срез Веспасиана обещает стать ровно тем, что тому нравилось создавать.

– Можете ли вы предотвратить такое развитие событий?

– Это целиком зависит от наших агентурных возможностей. Сейчас они нулевые. Тетушки дают пессимистичный прогноз.

– Вы говорили, они не участвуют.

– В привычном вам смысле не участвуют, но они – лучшие актуарии.

15

Фигня в духе Зоны 51¹⁷

– Мне нравится, – объявил Стетс, когда Верити закончила. Он сидел на откидной полке, подавшись вперед и упираясь руками в ортез, чтобы не давить на больную ногу. – Страшная сказка Кремниевой долины, – добавил он, глядя на суровую аватару Юнис. – Если считать, что Юнис реальна.

– Я есть, – ответила Юнис. – Здесь. А моя реальность – это типа как бы.

– Так почему именно здесь, сейчас? – спросил он.

– Я хочу знать, откуда взялась. Что за инфраструктура. Должна быть какая-то фигня в духе Зоны пятьдесят один, без дураков. И я должна защитить Верити, потому что свалилась ей на голову без приглашения. Ты – единственный серьезный игрок среди ее знакомых.

Стетс глянул на Верити:

– Ты готова принять это за чистую монету?

– Чувствую, она меня убедила, – ответила Верити, – а потом начинаю думать, это сток-гольмский синдром.

– Напиши Филу Бартеллу, – сказала Юнис (Верити знала, что так зовут финдиректора Стетсовой фирмы). – Пусть примет мой звонок. Как помощника Верити. Насчет Сингапурской сделки.

Стетс уставился на экран.

– Да, она такая, – сказала Верити.

– Бартелл проштудирует доки, которые я закинула в его дропбокс, – сказала Юнис, – и поймет, что сделка хреновая. Но я должна обрисовать ему общую картину, прямо сейчас, пока он не поставил подпись. Ты свою уже поставил.

– Откуда ты это знаешь, Юнис? – спросил Стетс. – Откуда ты вообще знаешь про сделку?

– Может, ты поможешь мне выяснить, как я это делаю. Напиши ему. Он вот-вот поставит свою подпись.

Стетс достал из кармана телефон. Напечатал большими пальцами. Отослал. Глянул на Верити, потом на телефон, потом на большой экран:

– Он примет твой звонок.

– Уже принял, – сказала Юнис. – Я с ним сейчас говорю.

Стетс, щелкнув ортезом, встал и, стараясь не сильно наступать на больную ногу, прошел к барной стойке. Открыл бутылку воды. Телефон пикнул. Стетс глянул на экран:

– Говорит, ты права. Спрашивает, откуда знаешь. Формулирует более грубо.

– Ты сам назвал это страшной сказочкой. Думаю, когда он прочтет документы, то поймет, что я сберегла вам большие бабки.

– Спасибо, – ответил Стетс. – Если считать правдой рассказ Верити и вот это сейчас. Я уже практически считаю. Что дальше?

– Мы с Верити возвращаемся в Миссию, желательно без шпииков-фрилансеров, которые нас сюда проводили.

– Если они знают, где я сейчас живу, и мы едем к Джо-Эдди, то какая разница? – спросила Верити.

¹⁷ Сверхсекретная военная база, удаленное подразделение базы ВВС США «Эдвардс» на юге штата Невада. По официальным данным, в Зоне 51 испытывают экспериментальные летательные аппараты и системы вооружения. Конспирологи утверждают, что в Зоне 51 проводят исследования, связанные с инопланетянами, разрабатывают фантастические виды оружия и так далее.

– Мы едем не прямо к Джо-Эдди, – сказала Юнис. – Мне надо, чтобы тебя кое-где увидели, тогда у кое-кого будет время закончить кое-что в другом месте. Для этого нам нужно незамеченными добраться отсюда туда, где мы пересядем в машину, которую я вызвала.

– Верджил с этим справится. – Стетс вопросительно глянул на Верити.

– Я согласна, – ответила та.

Он нажал кнопку на телефоне.

16

ПК

– По твоему описанию, Эйнсли, это должно быть ПНП, – сказала Кловис Фиринг. На ней было викторианское траурное платье, которое понравилось бы Тлен, хотя та носила бы его с провокационными аксессуарами.

Лицо Фиринг являло собой палимпсест морщин и пигментных пятен, но странным образом выглядело моложе, чем запомнилось Недертону. Она единственная в Лондоне звала Лоубир по имени, хотя в округе Флинн и все остальные были с той накоротке.

– ПНП? – переспросила Лоубир.

– Проектирование нового поколения, – сказала Фиринг, сверкнув неожиданно белыми зубами. – Оно финансировалось Командованием по проведению спецопераций, но находилось в ведении Командования боевых космических и морских систем ВМС. Использовало много ПК, покупных комплектующих. Часть таких работ велась на военно-морской авиабазе «Чайна-лейк», где очень рано начали делать микродроны. Старались получать все самое современное из Кремниевой долины. Этим занимался ОИОРЭ, Отдел инновационных оборонных разработок, экспериментальный.

– Вот как. – Лоубир подняла брови.

– Тепло? – спросила Фиринг, буравя ее зоркими старческими глазками.

– Можешь поискать имя Юнис?

– Юнис?

– Во всех связанных контекстах, пожалуйста.

Фиринг закатила глаза, так что остались одни лишь пугающие белки, затем вновь глянула на собеседников.

– УНИСС, – сказала она. – У-Н-И-С-С. Ближайшее совпадение.

– И что это значит?

– Универсальная ноэтическая индивидуальная саморазвивающаяся система, – с явным удовольствием ответила Кловис.

– Спасибо тебе огромное, ты очень нам помогла, – сказала Лоубир. – Что-нибудь еще?

– Нет, – ответила Фиринг. – Информационная гниль уничтожила почти все соответствующие архивы, а свои я прошерстила вдоль и поперек. Там ничего нет, но это определенно ПНП.

Недертон, скучая, разглядывал исполинскую бронзовую голову бородача у Фиринг за спиной, грубо оттяпанную от какой-то статуи.

– Ли, – сказала Фиринг, проследив его взгляд.

– Ли?

– Роберт Э¹⁸.

Имя ничего Недертону не говорило.

– Ты очень нас выручила, Кловис, – сказала Лоубир, – но Уилфу надо возвращаться к родительским обязанностям, и я обещала его не задерживать.

– Рад был снова с вами повидаться, миссис Фиринг.

– И я с вами, Уилф.

Недертон улыбнулся, огорченный, что она запомнила его имя, потом открыл дверь, пропустил Лоубир и вышел вслед за ней. Позади звякнул старинный колокольчик.

– Я по-прежнему жалею, что она вышла за того мерзавца, – сказала Лоубир.

¹⁸ Начиная с 2016 г. в США демонтировали многие памятники генералу Роберту Эдварду Ли, что зачастую сопровождалось массовыми столкновениями между защитниками и противниками сохранения памяти тех, кто в Войне Севера и Юга сражался на стороне Конфедерации.

Недертон вспомнил, что Кловис – вдова давно покойного члена парламента, Клемента Фиринга, деятеля джекпотовских времен, которого Лоубир ненавидела всеми фибрами души.

– Ваша молодая версия в округе не сумела найти того, что нашла миссис Фиринг? – спросил Недертон.

– Да.

– Давайте тогда я там попробую.

– У вас на уме кто-нибудь конкретный?

– Пока нет, – ответил Недертон.

На самом деле он думал о Мэдисоне, муже Дженис, близкой подруги Флинн. Мэдисон страстно увлекался винтажными летательными аппаратами российского военпрома.

– Займитесь этим, пожалуйста, – сказала Лоубир. – А теперь едем к вашему крошке?

Она щелкнула пальцами, приказывая автомобилю демаскироваться.

17

МИГ

– Что ты такое сейчас сделала? – спросил Верджил у лесенки трейлера-штаба Кейтлин. – Наша команда переведена в авральный режим, но мне Стетс велел только вывезти тебя отсюда. Не сказал пока, что произошло.

В руках у него было что-то белое, вроде увеличенного детского комбинезона.

– Что-то про Сингапур, – ответила Верити. – Но меня надо отсюда вывозить не поэтому.

– Сингапур, – повторил Верджил, глядя на нее во все глаза.

– Что это у тебя? – Она указала глазами на белый кокон.

– Противосиликозный костюм. – На самом Верджиле был строительный жилет и флуоресцентная розовая каска. Костюм, который он держал в руках, был из какого-то родственника тайвека, с такими же эластичными бахилами. – От пыли защищает. Надевай, я помогу.

– От пыли?

– Мраморной. Фургон в гараже. Мы на нем строительный мусор вывозим в Сан-Хосе, на склад отходов для повторной переработки. СМИ знают фургон, знают про склад. Будут ждать, что мы поедем туда. А мы вместо этого завернем в автосервис на Одиннадцатой, типа у нас неполадка. Сдадим задом в бокс. Ребята будут копаться спереди, я выпущу тебя сзади, незаметно. Снимешь костюм и это. – Он протянул ей респиратор с очками вроде плавательной маски и парными фильтрами по бокам дыхательного выступа. – В соседнем боксе будет ждать машина, ее твоя помощница заказала. Ты выходишь, в Сан-Хосе едет кто-то другой.

На лбу респиратора серебристым несмываемым маркером было выведено имя ПАКО, псевдоруническими заглавными буквами.

– Это обязательно надевать?

– Пыль правда вредная. И меньше шансов, что тебя узнают. Любой намек, будто у тебя со Стетсом по-прежнему что-то есть, будет для таблоидов праздником. Помочь?

Она справилась сама. Костюм внутри пах чем-то фруктово-синтетическим. Верджил накинул ей на голову белый капюшон и затянул поперх респиратора.

В лифте Юнис не стала показывать видеотрансляции с камер.

– Жуть впотьмах, – проговорила Верити, впервые заметив телесно-розовый мрамор на полу кабины.

– Мы его заменим, – сказал у нее за спиной Верджил, – когда остальной вывезем. Тут везде так было.

– А кто прежний владелец?

Дверь лифта закрылась, кабина пошла вниз.

– Стетс купил дом у номерной корпорации на Багамах. Я, когда вошел сюда первый раз, думал, он дал маху. Потом мне показали VR-панораму, как Кейтлин все переделает.

Открылось видео-окошко. Снова тот же, из «фиата» на Валенсия-стрит. Который принес в квартиру Джо-Эдди подушку сотенных. «Северин, – сказала Юнис. – Как Северин, но без одной е». Теперь в окошке было фото, видимо паспортное, клинически неулыбающееся. Стрижка почти под ноль, борода клинышком, которую Верити вроде не помнила. «Заберет тебя из автосервиса». Лифт остановился. Окошко исчезло.

– Увидишь фургон. Он там один. Левая задняя дверца открыта. Встанешь на молочный ящик, залезешь внутрь, закроешь за собой дверцу. Я отвлеку рабочих, потом проверю, что дверца закрыта, и поедем.

Дрон, который я оставляла с ним, сейчас на крыше фургона. Другой опять у тебя под лацканом.

Верити глянула вниз, но комбинезон не давал увидеть лацканы. Лифт открылся. Впереди был высокий белый фургон с распахнутой задней дверцей. Верити двинулась к нему, Верджил – вправо, где трое мужчин в жилетах и касках смотрели сквозь освещенное отверстие в белой стене на, как ей показалось, увеличенный космический снимок города. Потом она сообразила, что это кабели и провода.

На полу перед открытой дверцей фургона стоял красный пластмассовый ящик. Верити встала на него, чувствуя себя неуклюжей в белых бахилах, залезла в фургон и закрыла дверцу.

Темнота немедленно сменилась жутковатым зеленым недосветом.

– Типа ночное видение, – сказала Юнис. – Залезай на поддон. – Курсор указал куда. – На сложенный тент.

– Парень с деньгами – латинос? Я не поняла.

– Молдаванин. Известен под кличкой Миг, от Мигель. По-испански шпарит так, что его считают колумбийцем. Шутка в том, что это... – **МиГ** – нелегал, прикидывающийся чуть менее экзотическим нелегалом. Залезай на поддон. Верджил готов ехать.

За глухой передней стенкой хлопнула водительская дверца. Верити залезла на деревянный поддон и села на корточки, упираясь руками в перчатках.

– Он не сдвинется, – сказала Юнис. Курсор указал на торчащие по бокам края мраморных плит.

Верджил дал задний ход, развернулся. Машина поехала вверх по пандусу. Остановилась. Звук раздвигаемых ворот. Снова тронулась.

– Смотри. – Юнис открыла видеотрансляцию, очевидно с микродрона на крыше.

Верити, помнящая, как Юнис в парке помечала дроны над финансовым районом, вроде бы увидела один такой над ними.

– Дрон?

– «Нешнл инкуайрер», – сказала Юнис. – Вот что передает.

Белый прямоугольник в потоке машин. Верх их фургона, догадалась Верити.

– Никто не думает, что это именно ты, но один из рабочих пометил тебя как потенциальный материал для скандала. И они знают, что Кейтлин в Нью-Йорке.

– Ненавижу, – сказала Верити.

Юнис сменила трансляцию инкуайреровского дрона на изображение их собственного, едва различимого на фоне облаков. Затем окошки исчезли, остался лишь смутный зеленый полумрак.

– Тот парень, молдаванин...

– Севрин, – сказала Юнис.

– Ты наняла его вчера между тем, когда я тебя включила, и нашим походом в парк?

– Да.

– Как такое возможно?

– Проанализировала уйму даркнетовских чатов о перевозке нала в Сан-Франциско. Он здорово выделялся. Связалась с ним, заключила соглашение, назначила гонорар.

– Процент от денег?

– Для одной операции с налом. К тому времени я уже сообразила, как добраться до серьезных бабок.

– Он преступник?

– Финансовые услуги, – сказала Юнис, – но левого толка.

Фургон остановился и начал поворачивать, сдавая назад. Верджил заглушил мотор. Раздались мужские голоса. Испанская речь.

– Вставай, – сказала Юнис.

Она встала, неуклюжая в противосиликозном костюме. Было слышно, как Верджил открывает водительскую дверцу и обходит фургон. Он открыл дверцу в тот самый миг, когда

Юнис показала троих в бурых тренировочных костюмах, сгрудившихся у левого переднего бампера. Четвертый принес плоский серый прямоугольник, лег на него и подлез под переднее шасси.

– Как ты? – спросил Верджил.

– Норм. – Она увидела позади него красные ящики с инструментами. Спрыгнула на землю.

Верджил ослабил завязки, откинул капюшон.

– Задержи дыхание. – Он расстегнул ремешок и снял с нее респиратор. – Можешь дышать.

Она вдохнула. Запах бензина и машинного масла показался на удивление приятным. Верджил расстегнул молнию комбинезона, зашел Верити за спину и потянул за ткань на плечах, помогая ей вылезти.

– Я встану на край бахил, – сказал он. – А ты шагни вперед.

Верити послушалась.

– Итак. Сингапурская сделка отменилась, – произнес Верджил у нее за спиной.

– По совету Юнис.

– А что там, не знаешь?

– У нее были документы. Больше ничего не знаю.

В соседнем боксе поблескивал бежевый «фиат», который она видела на Валенсия-стрит. Судя по всему, только что вымытый и отполированный.

Верджил обошел ее – в правой руке респиратор, через левую перекинут комбинезон.

– Рад был повидаться.

– И я с тобой.

– Береги себя. – Он пошел на свет, к голосам, переговаривающимся по-испански.

Из-за «фиата» выступил по-модильяниевски тонкий молдаванин Юнис. Бородка у него и впрямь была, но такая короткая, что будто и нет.

– Севрин.

– Верити. – Он открыл ей переднюю пассажирскую дверцу, она села, он захлопнул дверцу. – Голову в колени, у них всегда есть камеры. Я защелкну ремень за тобой, чтобы сигнализация не орала.

Она послушалась. Сзади щелкнул ремень.

18

Пандаформ, трехчастный

Недертон, сидя на полу, смотрел, как Томас гулит с няней – пандоформом, разделенным сейчас на три равно очаровательных элемента. Недертон подумал, что до рождения Томаса неуклюжая тройца умиляла бы его не больше Тленовой тихоботки, однако Томас был счастлив, и это шло пандоформу в плюс.

– Прелестный мальчик, Уилф, – сказала Лоубир из-за стола, где Рейни разливала чай. – У него глаза вашей матушки.

Лоубир не была знакома с матерью Недертон, а значит, узнала цвет ее глаз из каких-то акашических записей¹⁹. Сам он особого сходства не видел.

– У него свои собственные глаза, – сказал Недертон и толкнул в сторону сына клетчатый фетровый мяч.

Треть нянюшки метнулась к мячу, шариком перекатившись через голову.

Недертон никогда бы не подумал предложить Лоубир чаю. Это была мысль Рейни; она должна была уйти в Тейт с подругой, но та в последний момент отменила встречу.

– Уилф мне сказал, – проговорила Рейни, ставя чайник и садясь напротив Лоубир, – что в той Америке, вашем новом срезе, выбрали женщину-президента. До Гонсалес. Но при этом люди там не счастливее, чем здесь, где было наоборот.

– Они не просыпаются каждое утро с мыслью: «Какое счастье, что эту конкретную беду пронесло», – ответила Лоубир. – Однако такова человеческая природа. Тем временем все остальные угрозы, общие для наших миров, никуда не делись, а комплексно спровоцированный международный кризис, чреватый применением ядерного оружия...

– Уилф, – резко сказала Рейни, – этого ты мне не говорил.

– Только вчера вечером узнал. Не хотел сообщать тебе перед сном.

– Какой кризис? – спросила она у Лоубир.

– С участием Турции, Сирии, России, Соединенных Штатов и НАТО. Новый президент оказалась в куда худшем положении, чем Кеннеди в тысяча девятьсот шестьдесят втором, во время Карибского кризиса. На мой взгляд, она довольно умело балансирует на грани войны, однако даже самые оптимистичные прогнозы тетушек неутешительны. – Лоубир помешала в чашке. – Вы занимаетесь кризисными ситуациями, Рейни. – Отпила глоток. – Помимо того, что прекрасно завариваете чай.

– «Хэрродс послеобеденный», – сказала Рейни.

– Я сейчас отправила вам конспект по кризису, – сообщила Лоубир. – Буду очень признательна, если вы найдете время его прочесть и высказать свои соображения.

– Спасибо, – ответила Рейни.

Томас захныкал, и Недертон пошел взять его на руки. Пандаформы, откатываясь с дороги, стали более сферическими, чем, он подозревал, умели настоящие панды.

¹⁹ Акашические записи, или Хроники Акаши, – в теософии, антропософии и нью-эйдж мистическое знание, закодированное в нефизической сфере бытия и постигаемое через астральную проекцию.

19

Фотографии последствий

Решив, что они проехали квартала два, Верити выпрямилась, налетев головой на автомобильный ароматизатор, запах которого мучил ее все это время. По крайней мере, это был не одеколон Севрина.

– Что за ароматизатор? – спросила она.

– Шампанское, – ответил он. – И бергамот.

Настроение у нее было не праздничное. Ехали под мостом, что всегда жутковато. Туннель кончился, и Севрин включил автомобильное радио.

«...трагический теракт, – говорила президент. – Целый автобус турецких курсантов, тридцать человек, убиты в результате атаки с применением синхронизированных самодельных взрывных устройств. Все мы видели фотографии последствий...»

Верити, ценой больших усилий, сумела пока этого избежать.

«В ответ турецкая армия подвергла бомбардировке курдские населенные пункты по другую сторону границы».

«Вы потребовали немедленного прекращения огня», – произнес другой голос, молодой, женский, с британским выговором.

«Наша разведка не выяснила, кто несет ответственность за теракт, – сказала президент. – Но когда курдские отряды народной самообороны начали мстить за жертвы среди гражданского населения в Эль-Камышлы, Турция ответила непропорциональным ракетным ударом, что привело к нынешнему обострению».

Севрин выключил радио.

– Старье, – сказал он разочарованно. – Прошлая неделя.

Что за мудацкая муйня? Это были «Т-122 Сакарья». Турецкие РСЗО. Ты знаешь?

Верити легонько кивнула, зная, что Юнис увидит движение в трансляции очков.

А русские? Их самолет сбили, а они грозят ядерными бомбами? А мы – ты, я, кто еще – страдаем фигней?

– Ты меня вроде как от всего этого отвлекла, – сказала Верити, забыв про Севрина. – Извини, – добавила она, уже ему. – Телефон.

– Ничего, – ответил он.

Всему миру может прийти звездец, прям щас.

– Все так говорят.

Я не все. Я вдруг обнаружила, что знаю туеву хучу всего про этот регион. Типа серьезная область специализации.

– Ты ругаешься, как ни один ИИ на моей памяти. – Верити покосилась на Севрина, который в это самое время покосился на нее, так что их взгляды встретились.

Еще бы, блин, не ругаться.

Открылось видео-окошко. Гостиная Джо-Эдди. Кто-то – не Джо-Эдди – стоял перед верстаком, спиной к камере, и разглядывал старую электронику.

20

Бейкер-Миллеровский розовый

– Рада тебя видеть, Уилф, – сказала Дженис. Она сидела в черном сетчатом офисном кресле. Недертон видел на телефоне картинку с камеры на ее устройстве, а Дженис Недертону не видела, хотя он мог при желании показать ей то, что видит сам. – Как Рейни и малыш?

Он и забыл, что она выкрасила гостиную в Бейкер-Миллеровский розовый, казенный оттенок, якобы уменьшающий агрессию заключенных. Управление внутренней безопасности выдало окружному вытрезвителю на три галлона больше, чем требовалось, и Дженис выменяла их на ящик своих домашних консервов. Управление выписало краску, потому что в вытрезвителе часто оказывались буйные личности – до недавних пор округ жил главным образом нелегальным производством синтетических психоактивных веществ. Несмотря на легенду об успокаивающем действии, Недертону оттенок всегда бесил, и сейчас он снова это почувствовал.

– У нас все хорошо, спасибо. А у вас с Мэдисоном?

– Не жалуемся. Чем могу быть полезна?

– У меня просьба, – сказал он. – Хотя скорее к Мэдисону.

– Да?

– Я помню, он как-то искал документы для сайта фанатов игры «Су двадцать семь». – Недертон, прежде чем звонить, проверил название. – Я бы попросил его поискать нечто похожее для меня, хотя это не из военной авиации. Он по-прежнему связан с тем сайтом?

– Да, к сожалению, – ответила Дженис. – Уйму времени убивает. Ты получил одобрение Эйнсли? Иначе я должна буду провентилировать это с Флинн.

– Она специально попросила меня этим заняться.

– Что ты ищешь?

– Вот текстовый файл. Там есть предположительно релевантные термины. Это американское.

Он смотрел, как она читает файл.

– Проект нового поколения?

– Проектирование, – поправил он.

– Есть примерный контекст?

– Искусственный интеллект, противоповстанческие программы, армия США, две тысячи десятки, совсекретно.

– Почему она не спросит себя молодого здесь? До того, как вы заявили, ему по должности полагалось знать засекреченные американские проекты.

– Спрашивала. Безрезультатно. Надеюсь, это потому, что он искал в государственных архивах. Помня, что Мэдисон нарыл по русским самолетам на чисто любительском, но исключительно качественном ресурсе...

Дженис сузила глаза:

– Флот?

– Не знаю, – ответил Недертон. – Понятия не имею, что там вообще.

– Я ему передам, – сказала она. – А вообще, заглянул бы. От ублюдочной пери, которую тебе здесь сляпали, у меня, уж не обижайся, эффект зловещей долины²⁰, но так было славнo, когда ты путался под ногами в «Перекасти-Полли». Я по тебе такому скучаю. И Флинн наверняка тоже. Заглядывай. Кстати, у нас же свой «Полли» есть. Сын племянника в нем нас навещает. Из Клэнтонa.

²⁰ Отвращение или страх, вызываемый у людей роботом, который ведет себя почти (но не совсем) как человек.

– Ваших технологий для периферали пока немного не хватает. «Полли» меня вполне устроит. Как тут вообще дела?

– Большие напруги из-за Леона. Сам-то он больше в Вашингтоне, а мы тут мучайся то с Секретной службой, то с про-Леоновскими СМИ, то с анти-Леоновскими СМИ, то с лобби-стами, то с жуликами, выдающими себя за Леона, которых расплодилось видимо-невидимо.

– Как Флинн относится к тому, что ее двоюродный брат стал президентом?

– Поначалу у нее тоже был эффект зловещей долины. Сейчас занимается больше Томми и малышом, насколько дела позволяют. Но счастлива, что сама в это не вляпалась. Фелиция уговаривала ее баллотироваться.

Фелицию Гонсалес, президента США при рождении этого среза, спасло от убийц-заговорщиков вмешательство Лоубир.

– Думаю, Флинн уломалась бы. Потом поняла, что Гонсалес рассчитывает на вашу помощь с «Хомой» и машинками для голосования, старые добрые подтасовки, и уперлась рогом. Но ты ведь это все знаешь?

«Хома», вспомнил Недертон, был одиноким атавизмом, оставшимся в этом срезе от прежних соцсетей.

– Только в самых общих чертах.

– Она была готова свалить вместе с Томми и малышом, если выборы подтасуют. Но тут наша здешняя Эйнсли, в смысле Гриф, ее молодая версия в Вашингтоне, предложил Леона. Пообещал Флинн максимально честные выборы. Разрекламировал Леона как такого скромнягу, чисто случайно белого из сельской глубинки. Сработало. Судя по опросам, многие мужчины не стали бы второй раз голосовать за женщину. – Дженис нахмурилась.

Недертон отметил про себя, что надо будет передать это Рейни. Может, она успокоится, что не все там сплошной заговор. А может, нет.

– А Флинн он убедил так, – продолжала она. – Типа многие будут рады придурку в Белом доме. А Леон не амбициозный, но любит внимание, по-своему хитрожопый, и Эйнсли будет им руководить. И на самом деле он оказался вовсе не полный идиот. Те, с кем при Гонсалес было больше всего проблем, теперь меньше недовольны и проблем не создают. – Дженис пожала плечами. – В округе жить можно, в Штатах жить можно. – Она потянулась за пределы поля зрения камеры, взяла хефти-мартовский стакан и отпила через толстую биоразлагаемую трубочку что-то оранжевое. – Ладно, давай натравлю Мэдисона на твою задачку, посмотрим, чего он нароет.

– Спасибо, – сказал Недертон.

21

Плохой контроль качества в Шэньчжэне

Как только Верити вошла в «3,7», тот же бариста, звякая пирсингом, придвинул ей кофе и отвернулся раньше, чем она взяла стакан. Верити оглядела кафе.

Кроме нее, посетительница женского пола была всего одна: молодая латиноамериканка, уткнувшаяся в свой телефон.

– Это она, – сказала Юнис.

– Не заметила меня.

– Она не создана для слежки, – ответила Юнис. – Дизайнер игровой физики.

Верити направилась к свободному столику. Девушка подняла голову, заметила ее и по-иному задвигала пальцами на телефоне.

– Гэвин знает, что ты здесь, – сказала Юнис, когда Верити садилась.

Еще в машине Юнис объяснила, что Гэвин установил в квартире Джо-Эдди пять «жучков»: два в гостиной, один в кухне, по одному в спальне и санузле. Беспроводные, по виду – чуть заржавелые головки шурупов с квадратным шлицем, а не прямым или крестообразным. В шлице помещалась миниатюрная видеокамера, а место шурупа занимало само устройство – цилиндрок длиной в дюйм и диаметром чуть меньше головки. Приличного профессионального качества, сказала Юнис, хотя не объяснила, о какой профессии речь. Батарейки требовалось перезаряжать, но редко, и у людей, поставивших «жучки», были теперь ключи от квартиры.

– Они смогут нас записывать?

– Думают, смогут, но получают они срежиссированную лажу, которую мне сейчас готовит студия компоновочного монтажа. Из моего материала, разумеется. Я многозадачу.

– Студия?

– Дорого, конечно, но я плачу деньгами Гэвина. О чем он пока не догадывается.

Верити глянула на свой стаканчик, увидела надпись ВЕРИТАСС розовым маркером. Глянула на баристу. Тот по-прежнему стоял к ней спиной.

– Пока Севрин не включил радио, я понятия не имела, что ее выбрали президентом, – сказала Юнис. – Не то чтобы я думала, будто президент кто-то другой.

– И что, по-твоему, это значит?

– Я обдумываю гипотезу загрузки.

– Чего?

– Переноса человеческого сознания либо какого-то его эквивалента на цифровую платформу. Где-то до начала президентской кампании и тем более до выборов.

– А они такое умеют?

– Я ничего подобного не знаю, но Зона пятьдесят один, верно? И, допустим, они умеют, хотя бы чуть-чуть? Разве бы им не захотелось попробовать?

– Хорошо, допустим.

– Иногда у кого-нибудь возникает грандиозная идея, большая и чистая, но современные технологии не позволяют ее осуществить. И они пытаются сделать упрощенную версию из говна и палок. Иногда получается. Иногда выходит что-то, о чем они и не думали.

Бариста ловким движением протер хромово-латунную кирасу эспрессо-машины.

– Думаешь, так было с тобой?

– Возможно. Ламинарный агент Гэвина, суперсовременный, но недоделанный.

Верити покосилась на девушку из «Шпикра», нечаянно встретилась с ней взглядом и тут же отвела глаза.

– Долго нам тут оставаться?

- На грани ядерной войны?
- Нет, – ответила Верити. – Здесь, в «Три и семь».
- Они там у Джо-Эдди почти закончили. Проверяют.
- Камера в сортире – это ж лучше убиться.

– Я устрою так, что они решат, будто ее глючит, – сказала Юнис. – Плохой контроль качества в Шэньчжэне. И, бинго, они как раз выходят из квартиры. Их ждет машина. Можем возвращаться. Наша здешняя девушка тоже пойдет домой. Если хочешь кофе, забери с собой.

Верити встала. Девушка безуспешно пыталась изобразить, что не смотрит в ее сторону.

По пути к дому Джо-Эдди Юнис показывала трансляцию со всех пяти камер. Пустая гостиная: ощущение кадров из фильма ужасов. Камера в кухне смотрела на стол и на окно, чуть приоткрытое, как попросила Юнис, для дронов.

- Они оставили фрукты? – изумилась Верити.

На столе стояла ваза с яблоками, двумя бананами и грушей.

– Мой человек, – ответила Юнис. – Я поручила ему зайти до этих. У тебя в холодильникемышь повесилась. – Трансляция исчезла. – Останемся до утра. Они получают шоу. Сценарий уже готов.

- Какой сценарий?

– То, что они услышат вместо твоих слов в настоящих разговорах. Меня они по-прежнему не слышат. Если ты говоришь в сторону камеры, на студии изменяет движение твоего рта. Умеющий читать по губам увидит то, что ты говоришь по сценарию.

- Серьезно? А как они проникли в квартиру?
- Слесаря привели.
- А твой человек как вошел?
- Сделал ключи по фотографиям, которые я прислала.

Дроны Юнис – два сопровождавшие их к Стетсу, а в «3,7» сидевшие под лацканами – теперь плыли над Валенсия-стрит, но их трансляции Верити не видела.

Доставая перед дверью ключи, она представила, как Юнис их фотографирует – либо с камеры Джо-Эдди, либо с дрона. Вошла – два дрона юркнули вместе с ней, по обеим сторонам головы, и унеслись вверх по лестнице. Закрыла дверь, заперлась, задвинула щеколду – второе успокаивало больше первого.

Поднялась по лестнице, с неприязнью думая о типе, которого показала ей Юнис, одном из двух, ставивших в квартире «жучки». Отперла дверь квартиры.

Прямо напротив входа, в самой дешевой икейской рамке, черной алюминиевой, висел трагифарсовый черно-белый групповой портрет «Факоидов», музыкальной группы Джо-Эдди в конце девяностых; сам Джо-Эдди позировал с японским «Джазмастером», который теперь пылился на стене. Верити настолько привыкла к этой фотографии, что обычно ее не замечала. Только сейчас рамка висела ровно, что бывало лишь в первые минуты после того, как ее поправили, поскольку из-за вибрации от проезжающего транспорта она почти сразу перекашивалась снова. Поправил ее тип в очках с проволочной оправой или его напарник?

- Не надо, – сказала Юнис. – Иначе он поймет, что ты заметила.

Верити подняла руку, чтобы вернуть «Факоидам» привычный перекося, но теперь только откинула волосы со лба и прошла дальше.

- Кто поймет? – спросила она в кухне.
- Прайор, – ответила Юнис. – Тот, которого я показала тебе в гостиной. Опасный тип.

22

Чудовищно

Когда Недертон после разговора открыл глаза, Рейни сидела, зажмурившись, на другом конце дивана. Видимо, изучала документы по Эль-Камышлы. Недертон любовался ее переменчивыми гримасками, ее сосредоточенностью, серьезностью, которой не замечал, когда они были просто коллегами. Он переборол желание сесть ближе и взять ее за руку.

Рейни открыла глаза, встретила с ним взглядом.

– Представляешь, каково быть родителем там? Лоубир тебе объяснила?

– Тетушки ждут ядерной войны, – сказал Недертон.

Томас заплакал в кровати.

Рейни встала:

– Чудовищно.

– Мы пытаемся это предотвратить, – ответил Недертон и, к собственному удивлению, понял, что в каком-то смысле так оно и есть.

23

Не надеясь на глюк

Верити разогрела лазанью (из запасов, которыми человек Юнис набил холодильник) и поужинала за кухонным столом, наблюдая, как дроны суетливо влетают и вылетают. Она догадывалась, что они следуют сложной 3D-геометрии, позволяющей им не попадать на камеры «Курсии». И что, если они все-таки попадут в камеру, монтажная студия их уберет и в «Курсии» увидят кухню без всяких дронов.

После ужина она решила принять душ, предвкушая настоящую неvirtуальную приватность по другую сторону занавески с Русалочкой – в пандан к полотенцам Джо-Эдди. Юнис показала ей, где в ванной псевдошурп с квадратным шлицем. Верити накинула поверх одежды тактический халат, разделать под ним, держась спиной к камере, шагнула в душ, задержала занавеску, сняла халат и футболку, повесила их поближе. Долго стояла под душем, пока вода не стала почти холодной, потом втянула халат на свою сторону, надела, накинула капюшон, вылезла из душа и почистила зубы перед зеркалом.

Меня все больше. Не то что неприятно. Просто иначе.

Верити набрала в рот натуропатической жидкости из флакона Джо-Эдди и начала полоскать рот. Сосчитала до двадцати, сплюнула в раковину.

– Камера по-прежнему глючит?

Юнис показала ей картинку из ванной: колышущееся удлиненное пятно перед зеркалом, цветом как ее халат.

Верити пошла в спальню, взяла из стенного шкафа смену одежды, вытерла волосы до полусухости и переделась под накинутым на плечи халатом, не надеясь на глюк.

24

Крыльцо

Мэдисон был в очках с проволочной оправой и бесцветными пластиковыми стеклами. Не ради исторического маскарада, вспомнил Недертон, а чтобы оптически скорректировать какой-то дефект зрения.

Флегматичный, дружелюбный, с пышной щеткой усов, Мэдисон сидел в офисном кресле Дженис и, как не раз замечала Флинн, выглядел так, будто у него удалили вообще все железы. Он поднял «Перекати-Полли» – планшет на алюминиевом стержне, торчащем из круглого пластмассового шасси размером с небольшой грейпфрут, – к камере ноутбука. По обеим сторонам шасси располагались рифленые пластиковые шины.

– Вот он, твой красавчик, – сказал Мэдисон.

– Как только ты будешь готов, – ответил Недертон.

Мэдисон коснулся основания круглого шасси. Поле зрения Недертон заполнил вид комнаты в странном ракурсе, который выровнялся, когда Мэдисон поставил «Полли» на пол перед креслом.

– Завидую, что у тебя телефон всегда при себе, – сказал Мэдисон. – Сам я никогда не любил этих новомодных примочек, так что свой ношу в кармане.

Недертону его телефон имплантировали в таком раннем возрасте, что он не помнил процедуры, и в его представлении обитатели округа жили практически без телефонов. Они носили при себе устройства вроде маленького планшета, как у Мэдисона, или что-то другое, но в любом случае их телефоны не подключались к нервной системе.

Недертон тронул кончиком языка нёбо за передними зубами, восстанавливая в памяти, как управлять «Полли». Тот покатился вперед, поле зрения заняли бежевые пластиковые сабо Мэдисона. Недертон повернул камеру вверх.

– Прошу. – Мэдисон указал рукой.

Недертон, уже вполне освоившись, набрал языком команду, по которой колеса двинулись в противоположные стороны. Планшет повернулся к входной двери. Она была открыта, если не считать рамы с частой сеткой от насекомых. Через сетку бил летний утренний свет. Мэдисон встал с кресла, подошел к двери и распахнул раму. Недертон вывел «Полли» наружу и покрутил планшетом, оглядываясь по сторонам.

– Вы с Дженис никогда не думали перебраться в закрытый комплекс?

– Флинн запретила так его называть, – сказал Мэдисон. – По той самой причине, по какой ты произнес сейчас эти слова. В мире нет больше ничего закрытого. Мы с Дженис предпочитаем оставаться здесь и помогать, чем можем.

Недертон выкатился на крыльцо, Мэдисон вышел следом.

– Рейни говорит, ей грустно, что мы так сильно вмешиваемся в ваши дела. А вы с Дженис тоже так думаете?

– Нет, – ответил Мэдисон, – учитывая то ближайшее будущее, которое вы стараетесь предотвратить.

Недертон развернул «Полли» и поднял камеру вверх.

– Хотел бы я знать, станет ли будущее этого среза лучше истории, как мы ее знаем. Однако заглянуть в ваше будущее для нас так же невозможно, как и в наше собственное.

– А мы и не ждем от вас всеведения, – ответил Мэдисон, глядя на «Полли». – Знаем только, что у вас телефоны круче и компы шустрее.

– Как я понял, у тебя что-то случилось с тем, что я передал через Дженис, – сказал Недертон.

– Финский джентльмен на моем форуме по российской военной технике. У него много американского материала по интересующему вас времени. Первый же его поиск дал результаты. Например, ваша У-Н-И-С-С появилась в апреле две тысячи пятнадцатого в Монтерейской школе повышения квалификации офицерского состава ВМС, но дальше ею занимались лаборатория прикладной физики Вашингтонского университета плюс лаборатория прикладной физики Университета Джонса Хопкинса. То, что задействовали две лаборатории прикладной физики, подразумевает большие вычисления по меркам того периода.

– Физика?

– Та система с физикой не связана. Мой финн не нашел ничего после две тысячи двадцать третьего. Впрочем, все страшно секретное от начала до конца. Он в полном восторге, насколько секретное. Вся информация у него, разумеется, была, но он о ней понятия не имел, мог бы и вовсе на нее не наткнуться, если бы я не спросил.

– Превосходно, – сказал Недертон, думая, что так оно, скорее всего, и есть, раз даже Лоубир ничего не знала.

– У него есть что-то еще, но он нам этого не покажет, пока не получит от меня кое-что взамен.

– Лоубир захочет получить все, что у него есть, деньги не вопрос.

– Деньги в любом случае не вопрос, – ответил Мэдисон, – поскольку это пиринговый обмен. Если я предложу ему деньги, меня могут лишить членства. Он дал мне список информации, которую хотел бы получить, но не сумел найти. Когда я ее добуду, он передаст нам все, что у него уже есть, плюс то, что нарост за это время.

– Что ему нужно?

– Летно-технические характеристики Ка-пятьдесят, российского одноместного ударного вертолета, разработанного в тысяча девятьсот восьмидесятых. Его называли «Черной акулой». По классификации НАТО – «Hokum A».

– Зачем это ему?

– Затем, что он сам найти не сумел.

Недертон развернул «Полли» – поглядеть на вид с крыльца. От дома к шоссе шла гравийная дорога, за дорогой ржавая изгородь опоясывала неровный участок земли, наверное пастбище. На нем росли несколько деревьев. Недертон поразился, насколько это все не распланировано – подлинно недизайнерский ландшафт.

Ничего подобного в Лондоне не было, и оттого зрелище удивляло его даже больше, чем Мэдисонова безденежная экономика ископаемых военных секретов.

25

Мои филиалы

– Почему ты иногда пишешь, иногда нет? – спросила Верити в гостиной.

– Пишу, когда ты говоришь с кем-нибудь по телефону или когда шумно. А иногда для лишнего уровня безопасности.

Верити, вспомнив, как Юнис считывала штрихкоды транспортного управления с проходящих машин, подошла к окну и встала рядом с икейским табуретом, на котором, поверх следов от припоя, по-прежнему лежала книга о телесериале. По противоположному тротуару шли пешеходы. Верити задумалась, есть ли среди них люди «Тульпагеникса», «Курсии» и «Шпикра». А теперь прямо под окном остановилось такси.

Она шагнула ближе к окну, глянула вниз. Из задней дверцы вылезал Джо-Эдди, обвешанный сумками на ремнях. Он посмотрел вверх через нелепые очки в белой оправе. В маленьком окошке появилось то, что он видит: она в оконной раме, смотрит на него.

– Джо-Эдди...

– Через другой мой филиал, – сказала Юнис. – Я сама узнала незадолго до тебя.

– Филиал?

– Так я о них думаю. Ламины Гэвина.

Джо-Эдди шел ко входу. Верити видела дверь в трансляции с белых очков.

Она, не задумываясь, рванула вниз по лестнице – открыть щеколду. Трансляция с его очков отключилась раньше, чем Верити добежала донизу.

Она повернула замок, отодвинула щеколду, открыла дверь. Заглянула ему в глаза сквозь очки.

– Вот, держи. – Джо-Эдди скинул черный рюкзак, который нес на одном плече.

Верити подхватила рюкзак и чуть не уронила.

– Спасибо, – сказал Джо-Эдди, входя в дом.

Она закрыла за ним дверь, повернула замок, задвинула щеколду.

– У тебя очки круче, – заметил он. – На мне то, что пятнадцатилетний диджей во Франкфурте соорудил из корейского шлема дополненной реальности.

Отведи его наверх.

– Это что за фигня? – спросил Джо-Эдди.

– Текстовое сообщение. Почему ты не позвонил?

– Мне тоже пишет, но только на телефон. Я узнал, что это насчет тебя, только на аэродроме во Франкфурте. По условиям договора я не должен никому сообщать, куда наниматель меня отправляет. Когда я узнал, куда лечу, я достал телефон, чтобы тебе сказать, но тут же пришло напоминание.

– Она тебя наняла?

– Она? – удивился Джо-Эдди. – То, с чем я общаюсь, не имеет гендерной принадлежности, насколько я знаю.

– Еще как имеет, поверь мне. А ты общался с какой-то ее подпрограммой.

– Ладно, она. Оплатила расторжение моего франкфуртского договора, заодно выговорила какие-то мегаусловия, типа если я когда-нибудь сойду с ума, меня назначат руководить отделом информационных технологий.

– Привыкай. – Верити забросила рюкзак на плечо и двинулась вверх по лестнице. – Она уже тебе сказала, что она такое?

Она услышала, что он остановился, и обернулась.

Джо-Эдди, в мешковатых джинсах и длинном черном худи, обвешанный багажом, пристально смотрел на нее.

– Даже не намекнула.

– Считается, что я ее альфа-тестирую.

– Кого?

– Кросс-платформенную аватару. Их собираются кастомизировать. Но я по-прежнему думаю, это какой-то придурок на юморном ютубовском канале.

– А не сорвавшийся с цепи искусственный интеллект. – Джо-Эдди изобразил лицо клиента, пытающегося объяснить, что именно плохое произошло с системой его компании. – Значит, я тебя оставляю с моей сраной кошкой, а ты влипаешь в такое?

– У тебя нет сраной кошки.

– Знаю.

Верити двинулась по лестнице.

В гостиной, рядом с фотографией «Факоидов», она поставила рюкзак на пол.

– Надеюсь, это не деньги.

– Книги, – сказал он. – И сыр.

Оправа его белых очков-консервов напоминала полудюймовые отрезки труб из ПВХ. Он сложил остальные сумки на кожаное кресло, куда Верити никогда не садилась, поскольку из сиденья торчали пружины.

Привет, Джо-Эдди. Я – Юнис. Ты имел дело с моей вспомогательной частью, которая теперь включена в меня.

В видео-окошке появилась ее аватара. Она вроде бы стала строже и сосредоточенней. Прическа теперь превратилась в окруженное обрывами плато, поросшее миниатюрными джунглями кудряшек.

Когда во Франкфурте с тобой заключали договор, Верити была в душе, но я ничего не знала. Не знаю, что они делают, пока они не объявятся и я их в себя не включу.

– Кто говорит им, с чего начинать? – спросила Верити. Она решила, что Юнис пишет, чтобы Джо-Эдди тоже мог читать.

Они вроде как отражаются. Такое чувство, что из меня, но не мной. Собирают всю доступную информацию и направляются туда, где, по их мнению, будут полезней всего. В случае Джо-Эдди это значило нанять его и доставить сюда.

– А не надо было рассказать ему, что происходит? Про камеры в шурупах, например?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.